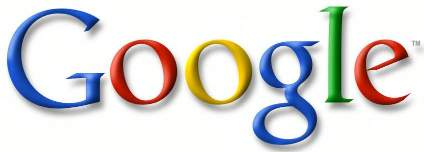

Исаакъ-Беръ Левинзонъ,

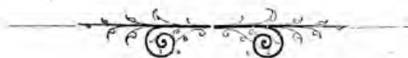
ЕГО ЖИЗНЬ

и

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Б. Л. Натанзона.

ВАРШАВА.
ИЗДАНІЕ АВТОРА.

1900.

Центральная Типографія, Варшава, Тломацкая, № 4.

Дозволено Цензурою.
С.-Петербургъ 7 Февраля 1899 г.

Цѣнителю еврейской литературы
и знатоку Іудаизма,

Іоакиму Онисимовичу

г. Зильберштейну

съ чувствомъ глубокаго уваженія

посвящаетъ

авторъ.

ныхъ трудовъ, которые освѣщаютъ эту загнанную и забрызганную грязью литературу новымъ свѣтомъ и отводятъ ей должное мѣсто.

II.

Но если тѣсная, неразрывная связь между еврейской жизнью и ея литературой имѣетъ свою хорошую сторону, то не безъ того, чтобы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, это не имѣло и дурной. Евреи на своемъ вѣку пережили столько превратностей судьбы, въ ихъ исторіи бывали такіе ужасные моменты, въ которые могли потеряться, сбиться съ толку самые сильные умы. Въ жизни цѣлыхъ народовъ, какъ въ жизни отдѣльныхъ людей, бываютъ моменты, когда люди очень умные теряютъ свое хладнокровіе, разсудительность и, спасенія ради, очень серьезно хватаются за соломинку, ища точки опоры. Не мудрено, что въ минуты страшной опасности, когда вся и все возставало противъ евреевъ, которыхъ одно существованіе составляло преступленіе, не мудрено, говорю я, что въ такія минуты вожатыя еврейскаго народа люди — сами по себѣ замѣчательные по своему уму, способностямъ — терялись, сбивались съ толку, сворачивали съ прямой исторической дороги и иногда попадали въ такія непроходимыя дебри, гдѣ не видно было свѣта Божьяго. Самые низшіе организмы въ мірѣ, въ борьбѣ за существованіе, приспособляются къ новымъ условіямъ жизни, вырабатываютъ себѣ новые органы защиты, питанія. Что-же удивительнаго, что человѣкъ старается устоять въ борьбѣ за существованіе? Еврею говорили: „исчезни, сотрись съ лица земли", и онъ старался взабраться въ такіе медвѣжьи углы и окружить себя такими безчисленными перегородками, чтобы о его существованіи не подозрѣвали. Невозможно художнику, да-

же самому геніальному, писать солнечный свѣтъ, когд солнце вѣчно закрыто тучами, мудрено и создавать свѣт лые, лучезарные идеалы, когда кругомъ мракъ, непрогляд ная темь и приходится пробираться ощупью, да еще с опасеніемъ попасть на каждомъ шагу въ западню.

Понятно, что еврейская жизнь, которая охотно под чиняется теоретически созданнымъ идеаламъ, немогла н усвоить себѣ тѣхъ блѣдныхъ, безжизненныхъ и худосоч ныхъ идеаловъ, которые не выносили свѣжаго и здорова го воздуха, вслѣдствіе чего, съ теченіемъ времени, еврей ская жизнь получила совершенно особую своеобразную ок раску и типичность.

До тѣхъ поръ, пока народы жили замкнуто, огора живались другъ отъ друга высокими стѣнами, приходили другъ съ другомъ въ общеніе только на полѣ брани, до тѣхъ поръ, говорю я, эта своеобразность и замкнутость евреевъ были еще туда-сюда — все равно ихъ никуда не пускали, отовсюду выживали и никому не было дѣла до того, какъ они устраивались; но когда на аренѣ всемірной исторіи перегородки между народами рушились, когда горизонтъ человѣческой мысли расширился, и люди перестали смотрѣть другъ на друга какъ на враговъ, тогда своеобразность и замкнутость еврейской жизни стали замѣтно бросаться въ глаза и приносить вредъ, прежде всего, разумѣется, имъ же самимъ. Туманъ разсѣевался, исчезалъ мракъ, для всѣхъ народовъ загоралась заря новой жизни, зарождалась наука, возрождалась философія, оживлялась литература, а евреи, въ предположеніи, что еще не миновала ночь, продолжали сидѣть въ своемъ гетто и покланяться своимъ болѣзненно-фантастическимъ призрачнымъ идеаламъ. Они въ своемъ умственномъ полумракѣ ужъ такъ привыкли къ нему, что ихъ не только пугалъ солнечный свѣтъ, но они были вполнѣ увѣрены, что только и свѣта, что въ ихъ тускломъ, закоптѣломъ окошечкѣ, и даже боялись заглянуть подальше, въ свою собственную

литературу, гдѣ для нихъ имѣлось достаточно свѣта и простора.

И вотъ, тутъ-то на сцену выступаетъ та-же еврейская литература и принимается за работу.

III.

Работа была не легкая. Нужно было сдвинуть съ мѣста цѣлыя горы самаго разнообразнаго хлама, очистить отъ пыли, гнили, ржавчины, накопленныя вѣками литературныя сокровища, которыя были въ ужасномъ пренебреженіи. Необходимо было по немногу, незамѣтно для глаза, начать расшатывать окружавшую еврейскую жизнь, китайскую стѣну; съ большими предосторожностями приходилось открывать окна для того, чтобы по немногу пропускать свѣжій воздухъ, провѣтривать нездоровыя помѣщенія. Солнечный свѣтъ приходилось пропускать сквозь туманныя стекла для того, чтобы онъ сразу не ослѣплялъ, не пугалъ своей яркостью, рѣзкостью. Трогать призрачные идеалы и прямо разбивать ихъ нельзя было, никто бы этого не позволилъ, къ нимъ приходилось подбираться окольными путями, незамѣтно подкапываться подъ нихъ до тѣхъ поръ, пока они, лишенные опоры, сами не рушились,—словомъ, это была удивительно сложная, головоломная работа, которая требовала гигантскаго труда, необыкновенной энергіи, готовности къ самопожертвованію, и нужно было имѣть беззавѣтную преданность своему народу и обще-человѣчскимъ идеаламъ. Тутъ помимо большого ума, таланта, громадной эрудиціи въ еврейской письменности, требовался еще большой тактъ, умѣніе лавировать между Сциллой и Харибдой, совмѣстить несовмѣстимое, т. е. быть правовѣрнымъ евреемъ, не отступать отъ традиціи, обычаевъ, и въ то же время быть просвѣщеннымъ

европейцемъ, быть au courant современной европейской мысли. Еврейская жизнь была тогда еще слишкомъ замкнута, чужда другимъ народамъ, и это давало этимъ последнимъ ложное представленіе, какъ о самой этой жизни, такъ и о религіи, которая поддерживаетъ эту жизнь. И естественно, что людямъ, которые хотѣли пріобщить евреевъ къ общечеловѣческой жизни, приходилось улаживать недоразумѣнія, разъяснять, толковать, защищать, съ одной стороны, самихъ евреевъ и, съ другой стороны, еврейскую цивилизацію противъ ложныхъ обвиненій; словомъ, они должны были отдуваться своими боками и извнутри и извнѣ.

Современное молодое, образованное еврейское поколѣніе, которое и понятія не имѣетъ о той ужасной, истинно геройской борьбѣ, выдержанной тѣми скромными, теперь почти забытыми, піонерами просвѣщенія сошедшаго со сцены поколѣнія, кичится своимъ европейскимъ лоскомъ, образованіемъ, которое оно получило безъ борьбы, и высокомѣрно, съ неблагодарностью, относится къ тѣмъ, которые не жалѣли живота своего и самымъ безкорыстнымъ образомъ во всю жизнь работали для него-же. Этому, пользующемуся чужими трудами, поколѣнію не мѣшало-бы иногда вспомнить, хотя-бы добрымъ словомъ, тѣхъ славныхъ, неуклюжихъ, иногда даже немного смѣшныхъ, стариковъ, которые всю свою жизнь потомъ и кровью вспахивали родную ниву, и конечно, не затѣмъ, чтобы на ней росли плевела европейской культуры.

IV.

Однимъ изъ такихъ самыхъ первыхъ и замѣчательнѣйшихъ піонеровъ просвѣщенія среди русскихъ евреевъ, которые всю свою жизнь съ удивительной энергіей, са-

талмуда и еврейской литературы, въ которыхъ онъ и безъ того далеко не былъ профаномъ.

Поработавъ тамъ нѣсколько лѣтъ подъ руководствомъ тогдашнихъ корифеевъ прогрессивной еврейской литературы, питомцевъ Мендельсоновской школы, онъ считалъ себя ужъ настолько подготовленнымъ, что могъ возвратиться домой и приняться за дѣло; онъ и возвратился въ свой родной городъ, Кременецъ.

Средствъ у него не было никакихъ, трудъ предстоялъ громадный, здоровье было расшатано, но нужно-же чѣмъ нибудь жить, и онъ принимается за воспитаніе дѣтей своихъ родственниковъ, Ландесберговъ, и другихъ благомыслящихъ людей. Такъ какъ реформа воспитанія еврейскихъ дѣтей входила въ его планы, то имъ задумана цѣлая система радикальнаго преобразованія воспитанія еврейскаго юношества, и пока что, пока нужно пользоваться случаемъ, дать порядочное воспитаніе, если не всѣмъ еврейскимъ юношамъ, то хотя нѣсколькимъ изъ нихъ. Онъ, вообще, дорожитъ всякимъ случаемъ, всякимъ малѣйшимъ поводомъ для того, чтобы образумить своихъ единовѣрцевъ. Онъ краснорѣчиво, съ жаромъ говоритъ имъ о высшихъ идеалахъ, задачахъ, доказываетъ имъ необходимость прогресса, указываетъ имъ на все полезное, и даже обращаетъ ихъ вниманіе на благоустройство общинныхъ учрежденій, словомъ, онъ не дремлетъ. Но это все ничего въ сравненіи съ тѣми реформами еврейской жизни, которыя онъ задумывалъ.

Въ досужое отъ занятій время, онъ работаетъ надъ книгой, которая должна измѣнить весь строй еврейской жизни и дать совершенно другое направленіе господствующимъ возрѣніямъ. Книга должна называться „Теудо-бе-Израель“ (Увѣщаніе Израиля). Но не успѣли добрые единовѣрцы разнюхать о затѣѣ Левинзона, какъ его на каждомъ шагу начали преслѣдовать. Нужно знать прежніе нравы нашихъ маленькихъ населенныхъ евреями городи-

шекъ, чтобы понять, сколько препятствій долженъ былъ Левинзонъ преодолѣвать, чтобы успѣшно кончить свой трудъ. Приходилось или сложить оружіе, или, пока что, куда-нибудь ретироваться.

Случай ему благопріятствовалъ.

Въ Бердичевѣ тогда уже была небольшая группа богатыхъ еврейскихъ купцовъ, которые хотѣли дать своимъ дѣтямъ болѣе осмысленное воспитаніе. Они искали человѣка, на котораго могли бы возложить эту задачу, и остановились на Левинзонѣ, который, разумѣется, съ радостью принялъ это предложеніе.

Помимо того, что это давало ему возможность продолжать свою работу, Бердичевъ гораздо больше соотвѣтствовалъ его планамъ, чѣмъ Кременецъ. Бердичевъ, какъ торговый центръ, естественно давалъ тонъ и направленіе окружающимъ его городкамъ, вслѣдствіе чего кругъ его дѣятельности, естественно, значительно расширялся.

Въ Бердичевѣ онъ, однако, прожилъ недолго. Надо полагать, что его слабое здоровье не дозволяло ему вести такую подвижную жизнь, какую онъ, въ качествѣ миссіонера просвѣщенія, велъ въ Бердичевѣ; оно требовало большаго спокойствія и, въ 1822 г., онъ снова возвратился въ свой родной городъ Кременецъ.

Расчитывать на поддержку со стороны Кременецкихъ евреевъ ему ужъ, конечно, нечего было, и одинъ изъ первостатейныхъ бердичевскихъ купцовъ изъ желанія избавить его отъ нужды, поручилъ ему воспитаніе своихъ двухъ сыновей, которые были посланы съ нимъ для вступленія въ Кременецкій лицей. Это-то обстоятельство и дало ему возможность въ томъ-же 1822 г. окончить свой громадный трудъ „Теуда бе-Израель". Но выпустить въ свѣтъ эту книгу ему удалось только въ 1828 году и то, благодаря великодушному содѣйствію передовыхъ людей того времени, имена которыхъ Левинзонъ съ благодарностью упоминаетъ въ предисловіи къ этому сочиненію.

VI.

Неожиданно упавшая бомба, по всей вѣроятности, не произвела бы большаго переполоха, чѣмъ произвела эта книга. Сперва евреи-ортодоксы какъ-то растерялись, оторопѣли, не могли разобрать, въ чемъ дѣло? Съ одной стороны, это былъ глубокій ученый, съ другой, ни на іоту не отступившій отъ традиціи еврей, еврей съ ногъ до головы, но еврей какой-то странный, необычайный, совершенно непохожій на всѣхъ остальныхъ евреевъ; онъ очень высокаго мнѣнія о Священномъ Писаніи, онъ фактически доказываетъ что св. Писаніе — основа всего еврейства, что безъ него еврей двинуться не можетъ и что, слѣдовательно, не хорошо поступаютъ тѣ, которые пренебрегаютъ основательнымъ его изученіемъ; тѣмъ болѣе, что Священное Писаніе — единственное мѣсто, гдѣ бережно хранится самое дорогое еврейское сокровище, — языкъ, на которомъ говорили пророки и на которомъ только и можно знакомиться съ великимъ прошлымъ еврейскаго народа, что нѣтъ никакой физической возможности понимать Священное Писаніе безъ основательнаго изученія грамматики еврейскаго языка, что большая часть славнѣйшихъ раввиновъ всегда ставили въ особую заслугу знаніе другихъ языковъ и общеобразовательныхъ наукъ, и даже сами свои сочиненія часто писали не на древне-еврейскомъ, а на языкахъ страны, въ которой жили, изъ чего выводитъ, что изученіе языка той страны, гдѣ живутъ евреи, не только не воспрещается, но, напротивъ, обязательно для евреевъ. Что въ формѣ буквъ и въ языкѣ нѣтъ и быть не можетъ никакой *нечисти*, весь вопросъ сводится къ мысли, которая выражена буквами: и еврейскими буквами и языкомъ можно выразить очень скверную мысль.

Такимъ образомъ, авторъ шагъ за шагомъ подвигается все дальше, впередъ. Отъ его зоркаго глаза ничто не

ускользаетъ: все замѣчаетъ, на все обращаетъ вниманіе, имъ выдвигается на первое мѣсто трудъ, земледѣліе, окружаются ореоломъ правда, справедливость, словомъ, авторомъ создается совершенно новая жизнь. И все это безъ громкихъ фразъ, а просто, ясно, точно, на основаніи неопровержимыхъ доказательствъ. А главное, ничего вѣдь новаго онъ не высказываетъ, онъ только вспоминаетъ старину и хочетъ, чтобы жизнь не особенно далеко уходила отъ давно установленной традиціи. Что противъ этого можно говорить, дѣлать? а между тѣмъ все это переворачивало верхъ дномъ весь строй тогдашней еврейской жизни. И когда люди опомнились, пришли въ себя, раскусили, въ чемъ дѣло, тогда воздухъ огласился страшнымъ гуломъ, въ которомъ сливались бѣшеные крики негодованія изувѣровъ, скрежетъ зубовный закоренѣлыхъ невѣждъ и ликованія всѣхъ жаждущихъ обновленія и алчущихъ просвѣщенія.

Какое громадное значеніе этотъ трудъ Левинзона въ то время имѣлъ для евреевъ—показываетъ то обстоятельство, что онъ даже былъ замѣченъ правительствомъ; сильно интересовавшимся тогда преобразованіемъ склада еврейской жизни, и которое, благодаря всеподданѣйшему докладу Главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ вѣроисповѣданій Д. Н. Блудова, по Высочайшему повелѣнію, наградило его за это сочиненіе тысячей рублей. Въ трудныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ Левинзонъ тогда находился, это было для него важной наградой.

Тронутый Монаршею милостью, онъ тогда написалъ слѣдующее письмо Императору Николаю Павловичу:

„Ваше Императорское Величество!—подобно тому старцу, который одаренъ былъ Адріаномъ за коробъ плодовъ отъ дерева, насажденнаго имъ самимъ на старости лѣтъ для потомковъ, получилъ и я отъ Вашего Императорскаго Величества подарокъ, хотя за незрѣлые, но съ такимъ-же трудомъ и, можетъ быть, еще въ слабѣйшемъ состояніи

насажденные и снятые плоды трудовъ моихъ, — подарокъ, который поставилъ меня въ возможность предать тисненію мое сочиненіе, имѣющее цѣлью побудить моихъ собратій къ исправленію своихъ нѣкоторыхъ нравовъ и обычаевъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, и напечатать, быть можетъ, со временемъ, прочія мои рукописи. Главная цѣль, которой я желалъ достигнуть этимъ сочиненіемъ, — это улучшить воспитаніе и образованіе еврейскаго юношества, которыя до сихъ поръ были въ небреженіи, такъ какъ только отъ будущаго поколѣнія ожидать можно благодатной жатвы нынѣшняго сѣянія. Обученіе, сообразное съ цѣлью и болѣе соотвѣтствующее потребностямъ ума и сердца, преимущественно-же въ св. религіи нашихъ отцовъ, впредь должно заступить мѣсто несистематическаго преподаванія; словомъ, дитя должно быть воспитываемо къ тому, чтобы быть человѣкомъ, евреемъ и гражданиномъ. Многихъ бѣдныхъ дѣтей должно воспитывать на общій счетъ въ институтахъ или частнымъ образомъ, дабы они, со временемъ, могли быть полезными государству, научившись разнымъ профессіямъ, занимаясь земледѣліемъ, служа въ войскѣ и т. д. Тѣ вредныя явленія въ жизни русскихъ евреевъ, которыя должно разсматривать, какъ порожденія фанатизма, мистицизма и невѣжества, и которыя противны нашему вѣроученію (какъ, съ Божіею помощью, въ этомъ сочиненіи мною доказано, за что я получилъ одобрительные, со стороны христіанскихъ и еврейскихъ ученыхъ, отзывы, помѣщенные мною во введеніи къ означенному моему труду), эти вредныя явленія должны быть удалены изъ среды Израиля, чтобы негодные плевелы суевѣрія и нравственной испорченности, порожденныя, въ недавнюю пору, хасидизмомъ, впредь не развивались, въ ущербъ возрастанію и преуспѣянію божественно-прекраснаго древа священнаго ученія и нравственности. Народные учителя должны соотвѣтствовать своему назначенію и настоящему своему призванію. Они дол-

жны поощрять народъ къ выполненію обязанностей гражданина и семьянина религіозно-нравственными прововѣдями и побуждать его, вообще, къ добру своими добрыми дѣлами. И если, какъ можно подмѣтить, немногіе списки этого сочиненія, которые только 6 лѣтъ находятся въ обращеніи въ моемъ народѣ, вызвали уже нѣкоторые проблески стремленія къ самоусовершенствованію, то какъ много можно ожидать отъ нѣсколькихъ сотенъ экземпляровъ, въ особенности, когда мои собратія убѣдились, что ихъ усовершенствованіе такъ желательно Вашему Императорскому Величеству? Благое соизволеніе Вашего Величества всего можетъ достигнуть. Безъ милостивѣйшаго содѣйствія Вашего Величества всякая попытка оказалась-бы мало полезною, и то, что начало-бы распускаться, скоро завяло-бы, какъ то чудесное древо или кикаіонъ пророка Іоны которое въ одну ночь выросло и увяло.

„О, да будетъ еще одно только дозволено мнѣ, Великій монархъ! Да благоволитъ Ваше Императорское Величество благосклонно принять простое, но горячее благословленіе, которое я, отъ имени моего народа, составилъ на древне — еврейскомъ языкѣ и отпечаталъ на второй страницѣ этого сочиненія."

VII.

Въ отрывочныхъ и весьма скудныхъ, а иногда просто противорѣчныхъ біографическихъ свѣдѣніяхъ, которыя имѣются о Левинзонѣ (вообще, въ новѣйшей еврейской литературѣ критико-біографическая часть составляетъ ея слабую сторону) иногда уже черезчуръ много напирается на то „всеобщее уваженіе," которымъ этотъ замѣчательный человѣкъ пользовался даже у своихъ враговъ. Если вѣрить этимъ наивнымъ біографамъ, то можно предполо-

жить, что въ то время люди глупые, невѣжественные, фактически отстаивающіе свои предразсудки, были какими-то агнецами и кроткими голубями. Левинзонъ разилъ на каждомъ шагу, наносилъ удары, жестокія раны, припиралъ ихъ къ стѣнѣ, а они за все это выражали ему любовь и безпредѣльное свое уваженіе! Левинзонъ, говорятъ они, обладалъ такими высокими душевными качествами, что онъ невольно покорялъ сердца людей, обаятельно дѣйствовалъ на все окружающее. Возможно, что это было такъ. И даже, зная цѣну всѣмъ этимъ увѣреніямъ въ неизмѣнной дружбѣ, безпредѣльной любви, которыми въ то время (да и въ настоящее время это водится въ еврейской литературѣ) увѣряли другъ друга еврейскіе литературные дѣятели — можно съ увѣренностью сказать, что это именно было такъ. Иначе онъ не могъ-бы создать себѣ такихъ горячихъ поклонниковъ, которые, еще до выхода въ свѣтъ, стали-бы распространять его толстые-претолстые научные труды въ спискахъ. Для такихъ вещей недостаточно быть талантливымъ, даже геніальнымъ, — нужно еще, чтобы авторъ съумѣлъ стать центральной фигурой, вокругъ которой группируются его послѣдователи или поклонники. Но вѣдь, все равно, это еще ничего не доказываетъ. Это только доказываетъ, что помимо своей чисто литературной дѣятельности, онъ еще былъ и дѣятелемъ-практикомъ, умѣлъ группировать вокругъ себя людей и заставить ихъ уважать себя и слушать. Но изъ этого далеко еще не слѣдуетъ, что находилось уже очень много охотниковъ приходить съ нимъ въ общеніе. Утверждать, что всѣ поголовно любили и уважали Левинзона – это значитъ: не знать ни людей, ни эпохи, ни обстоятельствъ, а главное — это будетъ несогласно съ истиной. Его любили, уважали друзья, единомышленники, послѣдователи—это вѣрно—но гораздо больше его ненавидѣли какъ врага, презирали какъ отступника, тѣ, которые не были его послѣдователями. А такихъ было большинство. Еще и теперь въ медвѣжьихъ

углахъ безъ скрежета зубнаго не могутъ вспомнить о „кременецкомъ эпикурейцѣ,“ что-же было при его жизни, въ самый разгаръ страстей!

Да, вотъ одинъ изъ маленькихъ фактиковъ, которыхъ не мало попадается въ перепискѣ Левинзона съ его многочисленными друзьями и поклонниками. Въ письмѣ Флексера, изъ гор. Сороки, къ Левинзону мы, между прочимъ, гдѣ описывается неприглядное состояніе г. Сороки, читаемъ слѣдующее: „Твои драгоцѣнныя книги „Теуда-бе-Израиль“ и „Эфесъ-Дамимъ“ достались мнѣ съ большимъ трудомъ, да и то контрабандой. Съ годъ тому назадъ черезъ нашъ городъ проѣзжалъ книгопродавецъ и, перебирая его книги, я между ними нашелъ ваши почтенныя книги „Шорше Ливанонъ“ и „Бетъ Гаоцеръ.“ И какъ только я ихъ взялъ въ руки, съ тѣмъ чтобы спросить, сколько онѣ стоятъ, какъ стоявшіе тутъ-же чуть ли не проглотить меня захотѣли и загалдѣли: „и ты берешь такія книги въ руки? Ты развѣ не знаешъ, что это за книги? Это такія книги, гдѣ въ каждой строчкѣ скрывается нечисть и всякая богомерзская пакость. Берегись, а то ты какъ разъ, какъ птица, попадешь въ силки. Да и ты, книгопродавецъ, другой разъ не привози намъ такихъ книгъ, которыя совращаютъ благочестивое юношество“. Я имъ не отвѣтилъ и пошелъ своей дорогой, но не могъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока я не подослалъ къ книгопро давцу и ни пріобрѣлъ для себя эти книги. Изъ этого вы, милостивый досударь, можете понять, въ какомъ я нахожусь положеніи и что мнѣ приходится цереживать отъ окружающихъ меня дураковъ.“ Довольно характерно заканчиваетъ г. Флексеръ свое письмо: „О Боже! спаси меня отъ разставленныхъ мнѣ сѣтей, на Тебя, Боже, я надѣюсь, я, ничтожный, долженъ жить среди такихъ глупыхъ и безсердечныхъ людей!“ Но черезъ нѣкоторое время въ моихъ ушахъ раздался голосъ, который говорилъ: „Сынъ мой, иди домой, погоди еще немного, не бойся, вѣдь по-

править ошибки въ твоихъ-же рукахъ, имѣй-же терпѣніе остальное уже самъ Богъ сдѣлаетъ."

Да и мудрено было любить и уважать его, напримѣръ, хассидамъ, каббалистамъ, которыхъ онъ угощалъ такими гостинцами, какъ Дивре Цадикимъ (рѣчи праведниковъ) и Эмекъ-Рефоимъ (долина мертвыхъ). Въ этихъ жестокихъ, безпощадныхъ сатирахъ, гдѣ онъ каленными желѣзными прутьями бичуетъ хассидовъ и мнимыхъ цадиковъ, онъ для всеобщей любви и уваженія подаетъ слишкомъ ужъ мало повода. Да еслибъ Левинзонъ такъ ужъ дѣйствительно дорожилъ всеобщимъ уваженіемъ, онъ-бы навѣрное многое совсѣмъ-бы не написалъ, а если-бы и написалъ, то совершенно иначе. И замѣчу отъ себя, слава Богу, что еще находятся люди, которые не очень то дорожатъ всеобщимъ уваженіемъ, иначе, пожалуй, на свѣтѣ житья-бы не было. Но это между прочимъ.

VIII.

Впрочемъ, это „всеобщее уваженіе" и любовь къ нему обнаружились разъ на дѣлѣ, и надо правду сказать, довольно таки оригинальнымъ образомъ.

На евреевъ мѣстечка Заславля Волынской губ. было возведено одно изъ самыхъ старинныхъ и самыхъ возмутительныхъ обвиненій, которое въ теченіи многихъ вѣковъ стоило евреямъ очень много жертвъ, а именно: въ употребленіи ими христіанской крови.

Явился вопросъ что́ дѣлать, чѣмъ и какъ помочь Заславльскимъ евреямъ *) и какъ разъ навсегда подорвать

---

*) Любопытно, что даже русскому правительству, которое никогда не было склонно вѣрить всякому вздору, выдуманному досужими католическими патерами среднихъ вѣковъ, которые только и

въ корнѣ эту возмутительную клевету для того, что бы она не пускала дальнѣйшихъ отросковъ.

Для людей даже несовсѣмъ далекихъ было ясно, что

дѣлали, что подыскивали всевозможные предлоги для того, чтобы отправлять большое количество людей на тотъ свѣтъ, — и тому, трудно было бороться съ господствующимъ настроеніемъ. И, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, оно должно было сообразоваться съ общимъ настроеніемъ. Вотъ какъ русское правительство смотрѣло на этотъ вопросъ еще въ 1817 году. И вотъ *списокъ съ Отношенія Его Сіятельства Главноуправляющаго Духовными дѣлами иностранныхъ Исповѣданій къ Г. Гродненскому Гражданскому Губернатору.*

„По неосновательному подозрѣнію на Евреевъ, будтобы они употребляютъ въ опрѣсникахъ христьянскую кровь, неоднократно были дѣланы, во время Польскаго Правленія, на нихъ извѣты въ умерщвленіи христьянскихъ дѣтей; но производившіяся слѣдствія доносовъ сихъ не оправдывали. Бывшій Король польскій СИГИЗМУНДЪ АВГУСТЪ по таковымъ бездоказательнымъ извѣтамъ на Евреевъ, грамотами своими 1564 Августа 9 и 1566 года мая 20 дня, запретилъ обвинять Евреевъ, безъ всякого основанія, въ употребленіи Христьянской крови, зная изъ доводовъ священнаго писанія что Евреи оной не требуютъ. Въ новѣйшія же времена, именно въ 1763 году Марта 21 дня, Папскій Нунцій по дѣлу евреевъ писалъ: что и въ недавномъ передъ тѣмъ времени Римскій Престолъ изслѣдовалъ всѣ основанія, на которыхъ утверждается мнѣніе, что Евреи имѣютъ надобность въ человѣческой крови для дѣланія своихъ опрѣсниковъ; но не нашелъ довольно ясныхъ доказательствъ, которыя-бы достаточны были къ утвержденію сего предразсудка противъ Евреевъ, такъ, чтобы можно было въ силу оныхъ объявить ихъ виновными въ таковомъ преступленіи, и потому не призналъ правильнымъ въ подобныхъ объясненіяхъ утверждать на семъ основаніи сужденія.

По поводу оказывающихся и нынѣ въ нѣкоторыхъ, отъ Польши къ Россіи присоединенныхъ Губерніяхъ, извѣтовъ на Евреевъ объ умершвленіи ими Христьянскихъ дѣтей, якобы для той-же надобности, ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, пріемля во вниманіе, что таковые извѣты и прежде неоднократно опровергаемы были безпристрастными слѣдствіями и Королевскими Грамотами, ВЫСОЧАЙШЕ Повелѣть мнѣ соизволилъ: объявить всѣмъ Гг. Управ-

тутъ требуется нѣчто экстраординарное, необычайное, и что тутъ нужны средства болѣе радикальныя, чѣмъ обычныя хлопоты и ходатайства, и что никто изъ тогдашнихъ евреевъ, за исключеніемъ Левинзона, за это дѣло взяться не можетъ.

Дѣлать, конечно, нечего: „и лисѣ въ то время, когда она царствуетъ, поклонишься," говоритъ Талмудъ. Нѣкоторыя еврейскія общины снаряжаютъ къ Левинзону депутацій, главнѣйшіе раввины и почтеннѣйшіе люди пишутъ ему письма, просятъ его, умоляютъ взять на себя теоретическую часть этого дѣла, т. е. написать научное сочиненіе и доказать неосновательность этого обвиненія, такъ и его практическую сторону, т. е. хлопотать, ходатайствовать и доказывать невинность Заславльскихъ евреевъ. При этомъ само собою разумѣется, ему обѣщаютъ не только взять на себя всѣ расходы по этому дѣлу—вѣдь онъ человѣкъ бѣдный, а тутъ расходовъ немало — но и щедро вознаградить его за трудъ.

Левинзонъ, понятно, не такой человѣкъ, чтобы отказаться отъ такого дѣйствительно добраго дѣла. Но пусть лучше самъ Левинзонъ разскажетъ, что было дальше. Вотъ

ляющимъ Губерніями МОНАРШУЮ Волю, чтобъ впредь Евреи не были обвиняемы въ умерщвленіи христьянскихъ дѣтей безъ всякихъ уликъ, по единому предразсудку, что якобы они имѣютъ нужду въ христьянской крови; но естлибы гдѣ случилось смертоубійство и подозрѣніе падало на Евреевъ, безъ предубѣжденія однакожъ, что они сдѣлали сіе для полученія христьянской крови, то было-бы производимо слѣдствіе на законномъ основаніи по доказательствамъ, къ самому произшествію относящимся, на равнѣ съ людьми прочихъ вѣроисповѣданій, которые уличились-бы въ преступленіи смертоубійства.

О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи сообщая Вамъ, Милостивый Государь мой, для свѣдѣнія и надлежащаго исполненія, честь имѣю быть и проч. Подписалъ: *Князь Александръ Голицынъ.*

С.-Петербургъ.

№ 261.

6-го Марта 1817 года.

что онъ говоритъ въ предисловіи къ своей безсмертной книгѣ: „Эфесъ-дамимъ (Нѣтъ крови).“ Сочиненіе это т. е. „Эфесъ-дамимъ“ я составилъ по просьбѣ достославныхъ раввиновъ и знатныхъ богачей нашей націи, живущихъ въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и прочихъ областяхъ нашего края, которые усильно просили меня въ письмахъ своихъ и чрезъ нарочныхъ депутатовъ, чтобы приложить всѣ старанія къ этому дѣлу (опроверженію ложнаго обвиненія въ употребленіи крови), и доказать нашему правительству всю неосновательность и нелѣпость этого обвиненія; и всѣ расходы по этому дѣлу обѣщался принять на себя.

„Какъ только все это дошло до моего свѣдѣнія, я, не теряя ни минуты, взялся за это важное дѣло, не терпѣвшее никакого отлагательства. Признаться, трудъ этотъ былъ для меня вовсе не въ пору, кромѣ того, что я дряхлъ и занятъ былъ окончаніемъ другихъ сочиненій (Левинзонъ писалъ тогда свои творенія: „Бетъ Іегуда“ и „Шорше-Ливанонъ,“ первый отдѣлъ сочиненія „Бетъ-гаоцеръ“), и долженъ былъ снискивать себѣ насущное пропитаніе, я никакъ не могъ достать, кромѣ одной небольшой главы, находящейся въ книгѣ „Apologie“ Менасе-бенъ-Израиля, которою я воспользовался; другихъ-же сочиненій, которыми я бы могъ руководствоваться, не имѣлъ. Но здѣсь дѣло шло о спасеніи жизни невинныхъ жертвъ жалкаго фанатизма. Я бросилъ всѣ свои дѣла и приступилъ къ составленію этого громаднаго труда.

„Вообще, дѣло это было весьма трудное. Понадобились чрезвычайные расходы на собраніе нужныхъ книгъ; нужно было писать письма въ отдаленные города для розысканія оригинальныхъ или переводныхъ документовъ, относительно этого предмета, изданныхъ многими папами и прежними польскими королями, тамже ходатайствовать у мѣстныхъ начальствъ за несчастныя семейства, закованныя въ цѣпи, и вновь захваченныя по этому ложному дѣлу. Хотя вышеупомянутые господа богачи предупредили

меня своими письмами и обѣщаніями взять на себя всѣ расходы и даже удовлетворить меня за мой трудъ; но какъ только увидѣли они, что ноша уже на моихъ плечахъ вдругъ остановились. Напрасно нѣкоторые раввины обращались съ своими возваніями ко всѣмъ почти главнымъ еврейскимъ обществамъ... Но видя всю важность и необходимость этого труда, и что нигдѣ нѣтъ для меня помощи, я старался быть человѣкомъ тамъ, гдѣ нѣтъ людей, и взялъ на себя весь этотъ трудъ. Никто не знаетъ, что̀ я терпѣлъ въ это время, кромѣ того, что я трудился, не расчитывая на удовлетвореніе, болѣе двухъ лѣтъ, я было попалъ въ опасность, изъ которой я, благодаря одному Богу, почти чудомъ спасся едва живымъ.

„Вотъ ужъ дѣйствительно, упаси меня Богъ отъ друзей, а съ врагами я ужъ самъ справлюсь. Отъ такого всеобщаго уваженія можетъ хоть кому не поздоровиться, а тѣмъ болѣе человѣку больному, на плечи котораго взвалили громадный научный трудъ, хлопоты по такому важному общему дѣлу — нѣтъ, ужъ Господь съ ними, съ такою любовью и уваженіемъ.“

Но Левинзонъ именно былъ не такой человѣкъ, на котораго въ дѣлѣ, которое онъ считалъ правымъ, нужнымъ, могли повліять вражда и любовь, уваженіе и, вообще, какія бы то ни было соображенія. Онъ сознавалъ, что дѣло, которымъ онъ былъ занятъ, правое, и онъ, наперекоръ людямъ, обстоятельствамъ, словомъ, до тѣхъ поръ, пока у него хватало силъ, работалъ надъ нимъ. Иначе его безсмертное (въ своемъ родѣ, конечно) сочиненіе „Эфесъ-дамимъ“ никогда-бы не увидѣло свѣта Божьяго. Впрочемъ, и послѣ своего выхода въ свѣтъ оно нѣсколько лѣтъ пролежало нетронутымъ на полкахъ еврейскихъ библіотекъ. Но одно важное событіе заставило вспомнить о немъ. Это было въ 1840 г.: когда на Дамасскихъ евреевъ было воздвигнуто страшное обвиненіе въ употребленіи ими христіанской крови, и кѣмъ? — тѣмъ самымъ на-

родомъ, который за годъ до этого самъ сдѣлался жертвою варварскаго фанатизма. Трудная тогда была пора для Дамасскихъ евреевъ. Многіе изъ нихъ пали жертвами тогдашнихъ неистовствъ. Нужно было фактически доказать турецкому правительству всю неосновательность обвиненія евреевъ со стороны одного католическаго аббата и его клевретовъ. Доблестные Монтефіоре и Кремье взяли тогда на себя весь трудъ. И вотъ „Эфесъ-дамимъ,“ обращаетъ на себя вниманіе этихъ двухъ мужей. Они препоручаютъ знаменитому еврейскому доктору Леви, перевести его на англійскій языкъ и употребляютъ его орудіемъ противъ жалкихъ фанатиковъ. Невинность евреевъ была доказана, и преступники-клеветники понесли достойное наказаніе.

Вотъ что объ этой книгѣ въ свое время говорилъ еврейскій журналъ „Оріентъ“ (Востокъ):

„Это полемическое сочиненіе Ливинзона, говоритъ рецензентъ, мы можемъ разсматривать какъ хорошее и острое оружіе, откованное честною рукою для нашего блага; но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ оно лежало сокрытымъ въ священномъ и мало доступномъ мѣстѣ (такъ какъ оно написано на еврейскомъ языкѣ); теперь-же съ необъятнымъ блескомъ публично вызвано на дневный свѣтъ, мощною рукою поднято на всемірной аренѣ.“

Содержаніе этого сочиненія слѣдующее: Оно представляетъ бесѣду двухъ ученыхъ мужей, различнаго вѣроисповѣданія, изъ которыхъ одинъ — Симій (Симіасъ), патріархъ греческой церкви въ Іерусалимѣ, а другой — Маймонъ, верховный раввинъ еврейской синагоги въ томъже городѣ. Такихъ бесѣдъ девять; изъ нихъ каждая постепенно развиваясь и блистая остроуміемъ и логическою основательностью, мало по малу освѣщаетъ это странное обвиненіе евреевъ въ употребленіи христіанской крови, потомъ раздробляетъ его по всѣмъ направленіямъ и, приводя его къ источнику, наконецъ, уничтожаетъ такъ, что

обвиненіе это какъ призракъ исчезаетъ. Форма сочиненія избрана тѣмъ удачнѣе, что она даетъ возможность выставить неосновательность обвиненія, дерзкую ложь и непонятныя гипотезы насчетъ націи, преслѣдуемой со времени утраты національной ея независимости и мало по малу опровергнуть ихъ и представить всѣ обстоятельства въ защиту евреевъ.

Надобно замѣтить, что противники, Симій и Маймонъ, несмотря на всю горячность спора, нисколько не раздражаются другъ противъ друга; напротивъ (и это очень хорошая и тонкая идея сочинителя) они дружатся между собою, они обоюдно проникнуты взаимнымъ уваженіемъ къ религіи и личности другъ друга, и ихъ честное состязаніе оканчивается благодарностью греческаго патріарха еврейскому раввину за научное раскрытіе истины и братскими объятіями противниковъ.

Кстати, о довольно любопытномъ обстоятельствѣ, о которомъ Левинзонъ расказываетъ въ своемъ сочиненіи „Бетъ-Iегуда“: „Въ 5517 г. отъ сотворенія міра, по евр. лѣтосчисленію (1756 г. Р. X), пишетъ онъ—когда на евреевъ въ Ямполѣ (что на Волыни) воздвигнуто было самое ужасающее гоненіе, по поводу обвиненія въ употребленіи ими крови, по порученію знатнѣйшихъ нашихъ раввиновъ четырехъ областей, послѣдовавшихъ въ чрезвычайномъ ихъ собраніи, бывшемъ по этому дѣлу въ Бродахъ, дядя мой Эліокумъ, изъ упомянутаго города Ямполя, отправился въ Римъ. Всевозможными своими стараніями успѣлъ онъ, наконецъ, получить отъ бывшаго тогда папы Бенедикта XIV буллу, собственноручно имъ подписанную, на латинскомъ языкѣ, и запечатанную собственною его печатью. Въ буллѣ этой, адресованной ко всему польскому королевству, Папа объявлялъ, что обвиненіе, будто-бы евреямъ нужна христіанская кровь во время праздника Пасхи, есть совершенная ложь, и что впредь не слѣдуетъ обращать вниманія на эту дерзкую клевету.

Печатная копія этой папской грамоты, отпечатанной съ польскимъ переводомъ, находилась у покойнаго отца моего. (Онъ ее получилъ въ подарокъ отъ упомянутаго дяди моего Эліокума, который у него долгое время гостилъ). Оригиналъ буллы, написанный на пергаментѣ, и теперь еще находится въ Меджибожѣ (Подольской г.) у потомковъ Эліокума. У нихъ есть еще много другихъ документовъ, касательно этого дѣла, которые достались имъ въ наслѣдство отъ Эліокума, потому что послѣдній жилъ цѣлыхъ шесть лѣтъ въ Римѣ, гдѣ пользуясь благоволеніемъ и дружбою Папы и кардиналовъ, неутомимо занимался этимъ дѣломъ. Раввинъ этотъ былъ глубоко ученый, очень умный и смѣлый человѣкъ и происходилъ изъ знаменитой фамиліи Іосифа-бенъ-Самуеля-Галеви, который изгнанъ былъ, въ числѣ прочихъ своихъ единовѣрцевъ, изъ отечества своего — Испаніи, во время Фердинанда и Изабеллы, что извѣстно изъ письма къ ученому Іосифу. Винценгаузену изъ Берлина, напечатаннаго въ періодическомъ изданіи „Меасефъ“ (Сборникъ) 1830 г.“

Само провидѣніе, какъ видно, избрало родъ Левинзона въ ходатаи за свой народъ по этимъ ужасающимъ обвиненіямъ, стоившимъ евреямъ столько невинной крови, пролитой въ разныя времена варварства и фанатизма. Другой дядя Левинзона со стороны матери, по имени Меерь-бенъ-Іоэль изъ Дубна, славный своими благородными дѣяніями, также приложилъ всѣ свои старанія къ устраненію этого обвиненія. Имя его часто встрѣчается въ книгѣ: Documen. Jud in Polonia Varsov. 1763.

IX.

Еслибъ какому нибудь геніальному архитектору, у котораго не было бы ни одного кирпича, ни одного бревна, ни крошки глины, извѣсти и вдобавокъ къ этому еще

денегъ и здоровья; еслибъ такому архитектору пришло въ голову, при такихъ условіяхъ, выстроить монументальное зданіе, его бы, по всей вѣроятности, сочли сумашедшимъ. А Исаакъ-Беръ-Левинзонъ находился почти въ такихъ же условіяхъ, когда онъ задумалъ свой „Бетъ-Іегуда“.

Если „Бетъ-Іегуда“ не представляетъ собою особенно замѣчательнаго, ни по своему замыслу, ни по глубинѣ своей мысли, художественному впечатлѣнію, которое онъ производитъ, то во всякомъ случаѣ онъ поражаетъ своимъ размѣромъ, массою самыхъ разнообразныхъ матеріаловъ, которые требовались для его постройки. А у Левинзона, когда онъ задумалъ этотъ трудъ, ничего, за исключеніемъ общаго плана, руководящей мысли, не было. Съ большимъ трудомъ приходилось ему доставать каждый кирпичъ, самому таскать его на плечахъ, онъ долженъ былъ разыскивать каждое бревно, самому обтесать его, словомъ изъ ничего, нужно было создать монуметальное зданіе.

Что такое Бетъ-Іегуда?

Въ буквальномъ смыслѣ, это значитъ домъ Іегуды, а въ переносномъ смыслѣ, это сущность іудаизма не близорукаго, узкаго, формальнаго, который не видитъ дальше своего носа, а настоящаго, возвышеннаго, очищеннаго отъ всякихъ постороннихъ наслоеній, примѣсей, такой, какимъ его создалъ Богъ и какимъ онъ является въ чисто еврейской традиціи. А такъ какъ іудаизмъ пережилъ тысячелѣтія, въ продолженіи которыхъ онъ сталкивался съ всевозможными культурами, переживалъ всевозможныя стадіи развитія человѣчества, то весьма понятно, что для того, чтобы выяснить сущность іудаизма, прослѣдить за его развитіемъ изъ самаго его зарожденія до нашихъ дней, — приходится имѣть дѣло не только съ громадной еврейской литературой, но съ другими всевозможными литературами во многихъ развѣтвленіяхъ и отрасляхъ. Тутъ никоимъ образомъ не обойдешь ни исторіи, ни фи-

лософія, ни естественныхъ наукъ, ни этики, ни теологіи; не минешь ни новыхъ, ни давно изчезнувшихъ культуръ, словомъ, приходится предпринять гигантскій трудъ, имѣть при этомъ хорошее здоровье, большія средства, потому что главное что тутъ нужно—это книги, а гдѣ ихъ въ Кременцѣ взять? Имѣется тамъ правда биліотека, при существовавшемъ тогда лицеѣ, (вскорѣ замѣненномъ семинаріей), книгами которой онъ пользуется, но это далеко не такая библіотека, которая могла бы его удовлетворить при такой работѣ. При томъ еврейскихъ книгъ тамъ совсѣмъ не было, а въ такой работѣ онѣ самое главное.

Но Левинзонъ начинаетъ разрѣшать всѣ эти вопросы самымъ оригинальнѣйшимъ образомъ, и такъ, какъ пожалуй не разрѣшалъ ихъ ни одинъ ученый въ мірѣ. Знаетъ онъ, что у рѣдкаго еврея, въ особенности мало-мальски состоятельнаго, нѣтъ маленькой библіотеки. Правда въ составленіи этихъ библіотекъ нѣтъ системы, нѣтъ подбора книгъ авторовъ, но въ данномъ случаѣ, это тѣмъ лучше. У каждаго еврея далеко не библіомана, совершенно случайно можетъ оказаться очень рѣдкая книга, которая, скажемъ, досталась ему по наслѣдству отъ отца, дѣда. Нужно только поискать.

И начинается погоня за книгами, ставится на ноги не только Кременецъ, всѣ ближайшіе къ нему города, но и возникаетъ цѣлая переписка со за границей, гдѣ у него масса друзей и знакомыхъ, повсюду, ищутся нужныя ему книги, всѣхъ онъ спрашиваетъ нѣтъ ли такой то книги, а если есть, то нельзя ли ему одолжить на нѣкоторое время.

Самъ онъ, больной, одинокій, живетъ на окраинѣ города, ему даже нѣкого посылать за книгами. Но вотъ нашлось кого послать, тотъ приходитъ, а хозяина книги дома нѣтъ, или ему некогда искать ее. Но бывали и другіе курьезы, проситъ онъ ту или другую книгу, а его спрашиваютъ, зачѣмъ вамъ понадобилась именно та, а не

другая, возьмите другую, не все ли то равно? Но для Левинзона все это мелочи, вѣдь все это нужно для его труда, а его трудъ это жизнь, а жизнь до тѣхъ поръ, пока бьется сердце, пріостановиться не можетъ...

И при такихъ то невозможныхъ условіяхъ ему, больному, лишенному какихъ бы то ни было средствъ, приходилось работать надъ капитальнымъ трудомъ, который составляетъ вкладъ не только въ еврейскую литературу, но если бы онъ былъ переведенъ на европейскій языкъ, то несомнѣнно тоже обратилъ бы на себя вниманіе людей образованныхъ.

Но вотъ, слава Богу, мечта осуществилась, рожденная въ такихъ мукахъ и страданіяхъ мысль поспоенная слезами и кровью воплотилась въ буквы, выросла въ капитальный трудъ. Остается только выпустить его на свѣтъ Божій, но это было въ то время неразрѣшимая задача.

Та литературная школа, представителемъ которой былъ Левинзонъ, была тогда еще только въ зародышѣ и на болѣе или менѣе удовлетворительный сбытъ писатели этой школы разсчитывать не могли, вслѣдствіе чего, разумѣется, объ издательствѣ на коммерческихъ основаніяхъ и рѣчи не могло быть.

Авторъ работалъ надъ своимъ произведеніямъ, а потомъ на свои же средства долженъ былъ издать его. А если у него самого не было средствъ, то приходилось прибѣгать къ помощи друзей, единомышленниковъ, меценатовъ, словомъ приходилось выдержать цѣлый искусъ униженій и оскорбленій, нужно было просить, заискивать у знакомыхъ, восхвалять ихъ великодушіе, доброту, восторгаться ихъ умомъ, ученостью, короче, приходилось выпивать такую горькую чашу, которая не всѣмъ была подъ силу, и которая не всега однако жъ приводила къ цѣли. Приходилось писать, напримѣръ, такія прелести, какія писалъ Левинзонъ Варшавскому проповѣднику Гольдшмидту:

„Господинъ, если ты обо мнѣ слышалъ или знаешь меня изъ моихъ книгъ, знаешь мою душу, чистосердечье, то простишь мнѣ мою краткость и блѣдность моихъ словъ, ибо надѣюсь ты поймешь, въ чемъ дѣло... Есть у меня новыя сочиненія (съ помощью дающаго силы безсильнымъ) работалъ я надъ ними много лѣтъ. Надѣюсь, что эти сочиненія настолько же цѣлесообразны, интересны, какъ и мои прежнія сочиненія, которыя вышли въ свѣтъ“.

Тутъ излагается краткое содержаніе рукописныхъ сочиненій.

„Теперь, продолжаетъ бѣдный авторъ, пришло время печатать и распространить ихъ между евреями, а я старъ, бѣденъ, лишенъ всего, за исключеніемъ души, у меня ничего больше не осталось. Правда, что многіе изъ великихъ германскихъ ученыхъ и другіе благомыслящіе люди просили меня прислать имъ эти мои книги съ тѣмъ, чтобы выпустить ихъ въ свѣтъ. Даже другъ мой Іостъ обѣщалъ перевести одну изъ нихъ на нѣмецкій языкъ, и издать ее, но по причинамъ мнѣ извѣстнымъ я этого сдѣлать не могу. И по этому дорогой, просвѣщенный человѣкъ, я обращаюсь къ твоей чести. Я многое о тебѣ слышалъ и знаю, что Творецъ надѣлилъ тебя драгоцѣнною душою, что сердце у тебя сострадательное и рука твоя всегда простерта для оказанія помощи удрученнымъ. Ты всегда первый во всякомъ полезномъ и добромъ дѣлѣ, всегда дѣлаешь то, что можешь. Не составляетъ для меня секрета и то, что для твоей общины твое слово свято, потому что уста твои чаруютъ своимъ краснорѣчіемъ. Не сомнѣваюсь, что ты, мужъ правды, посвятишь моему доброму дѣлу нѣсколько минутъ, поможешь и, покрайней мѣрѣ, хоть одинъ томъ моихъ сочиненій увидитъ свѣтъ. Тебѣ стоитъ только приказать, и будетъ свѣтъ.

Больно и обидно въ наше время читать такія вещи, а между тѣмъ въ то время иначе нельзя было.

Но вотъ книга издана и вы полагаете, что авторъ могъ ужъ почивать на лаврахъ, могъ сдать ее книгопродавцамъ и ждать результатовъ. Какъ бы не такъ! Тутъ только главное то и начиналось.

Во первыхъ, если книга, почему либо, не отвѣчала общему идеалу, ни одинъ книгопродавецъ не рискнулъ бы держать ее у себя.

У евреевъ, издавна система распространенія книгъ очень проста и въ высшей степени практична. У нихъ почти нѣтъ постоянныхъ книгопродавцевъ, всѣ они въ большинствѣ случаевъ странствуютъ изъ города въ городъ и распродаютъ свой товаръ въ молитвенныхъ домахъ. Понятно, что торговать имъ предосудительными книгами просто было неудобно.

Чтожъ долженъ былъ дѣлать авторъ книги почему либо подозрительной? Онъ долженъ былъ взять посохъ и начать странствовать, отыскивать охотниковъ покупать его книги. Онъ долженъ былъ прійти на домъ, отрекомендоваться, предложить хозяину свою книгу, и непремѣнно съ соотвѣтствующей авторской надписью, получить мзду и уйти искать другого покупателя. Правда что въ такихъ случаяхъ рѣдко бываетъ чтобы кто нибудь отказался отъ предлагаемой книги, но все таки это довольно унизительно.

Впрочемъ, Левинзонъ по своей болѣзненности, даже физически не могъ практиковать эту систему. Кромѣ того, у Левинзона, до выхода въ свѣтъ его книги, помимо денежной стороны, была еще одна загвоздка, а именно: ему нужно было найти типографію, которая согласилась бы печатать его книгу.

Еврейскихъ типографій, которыя могли бы выполнить большую работу, тогда было очень мало; была одна въ Житомірѣ, другая въ Вильнѣ, да еще въ Варшавѣ были двѣ или три.

Тогдашніе типографы были люди очень благочестивые, богобоязненные и считали себя отвѣтственными за высказываемые авторомъ мысли, а Левинзонъ въ глазахъ благочестивыхъ типографовъ былъ до того подозрителенъ, что они наотрѣзъ отказывались осквернять свой шрифтъ его книгами. Извѣстнаго Виленскаго типографа Зимеля Ромма можно было заставить напечатать въ своей типографіи книгу Левинзона только угрозой, что въ случаѣ его несогласія авторъ будетъ жаловаться Императору Николаю Павловичу, а благочестивый типографъ прекрасно зналъ, чѣмъ это пахнетъ.

Такъ Левинзонъ спокойно прошелъ всѣ мытарства, переодолѣлъ всѣ препятствія, и послѣ разныхъ удивительныхъ приключеній онъ, наконецъ, увидѣлъ въ печати свой Бетъ-Іегуда. Вотъ какъ въ письмѣ Левинзонъ разсказываетъ объ этомъ событіи:

„Въ тѣ дни, т. е. въ дни окончанія книги, пишетъ онъ, два года подъ рядъ, я былъ боленъ тяжкою болѣзнью. Я остался голъ какъ соколъ, даже и хлѣба и воды и того я не имѣлъ вдоволь. Ни откуда не было никакой помощи, были потеряны всѣ надежды. Одни только несчастія не покидали меня и дружили со мною. И въ эти дни пришло ко мнѣ письмо изъ Праги отъ Моисея Ландау, въ которомъ онъ мнѣ говорилъ много утѣшительнаго и сообщалъ, что хочетъ напечатать мою книгу Бетъ-Іегуда, о которой онъ слышалъ отъ одного современнаго, почтеннаго ученаго, много хорошаго. Тогда я послалъ ее въ Броды къ своему другу Блюменфельду, который давно обѣщалъ мнѣ напечатать ее въ своей странѣ. Черновой у меня не осталось, и кто кромѣ меня будетъ ее переписывать? А я еле живой, между небомъ и землей, махнулъ рукой на эту книгу и, поднявши глаза къ небу, сказалъ: иди сынъ мой, именемъ Божьимъ! Съ большимъ трудомъ была доставлена книга въ Броды,—вѣдь онъ за границей, да еще въ то время. И стала моя книга странствовать изъ

страны въ страну, изъ Бродъ въ Венгрію, оттуда въ Прагу, изъ Праги въ Вѣну. Такимъ образомъ, кружилась она до тѣхъ поръ, пока не возвратилась въ Броды. Въ каждомъ мѣстѣ она, разумѣется, нѣкоторое время задерживались. Въ то время въ Бродахъ случился пожаръ, въ которомъ погибли даже и люди, въ числѣ сгорѣвшихъ домовъ былъ и домъ Блюменфельда.

При переноскѣ изъ мѣста на мѣсто вещей Блюменфельда, моя рукопись была затеряна, и долгое время ея не было, думали, что она сгорѣла. Вдругъ Рэбъ Эліокумъ, одинъ изъ почтенныхъ друзей Блюменфельда, между прочимъ пишетъ мнѣ, что Виленскій издатель рѣшилъ купить у меня изданіе за извѣстное количество экземпляровъ. Книга была послана оказіей изъ Бродъ въ Вильну. Въ Вильнѣ получено было вторичное цензурное разрѣшеніе, Года два она еще пролежала въ Вильнѣ, пока была напечатана. Не успѣлъ я получать свои экземпляры, а издатель раздалъ около ста экземпляровъ книгопродавцамъ, какъ въ типографіи случился пожаръ, въ которомъ сгорѣло много книгъ, въ томъ числѣ нѣсколько сотенъ моего Бетъ-Іегуда.

„Пути Господни не исповѣдимы и судъ его справедливъ“.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ, старики работали въ дѣлѣ, которое они считали правымъ, полезнымъ, и не мѣшало бы намъ этому у нихъ поучиться.

X.

История книги: „Зерубавель“.

Въ то время когда Левинзонъ былъ занятъ своей книгой: „Бетъ-Іегуда“, одинъ изъ его Варшавскихъ ученыхъ друзей,—поляковъ прислалъ ему выпущенную въ

Варшавѣ книгу противъ евреевъ. Такъ какъ книга затрагивала шаблонные, давно избитые вопросы, которые испоконъ вѣковъ подымаются, когда хотятъ насолить евреямъ, то Левинзонъ немедленно-же письмомъ указалъ своему другу всѣ слабыя стороны этой книги. Письмо это Левинзонъ впослѣдствіи приложилъ къ своей книгѣ Бетъ-Іегуда.

Послѣ того какъ Мойсей Монтефіоре поручилъ доктору Леви перевести на англійскій языкъ: „Эфесъ-Дамимъ" и онъ появился на англійскомъ языкѣ, въ Англіи появилась ужасно враждебная евреямъ книга.

Авторъ книги старался доказать, что никто, за исключеніемъ его, не знаетъ талмуда и еврейской литературы, и что талмудъ и вся еврейская литература наполнены нелѣпостями, враждою ко всему окружающему, въ особенности къ христіанству.

Книга была переведена на многіе языки, надѣлала много шуму и произвела на всѣхъ сильное впечатлѣніе. Тогда Монтефіоре велѣлъ доктору Леви написать Левинзону, не можетъ ли онъ взять на себя опровергнуть книгу этого автора. И результатомъ этой просьбы было шеститомное сочиненіе подъ названіемъ „Зерубавель".

Въ этомъ громадномъ трудѣ Левинзонъ, шагъ за шагомъ, слѣдилъ за вышеупомянутымъ авторомъ, и разрушалъ до основанія все его громадное затѣйливое зданіе, основанное на лжи и невѣжествѣ и ясно какъ день доказываетъ, какъ ему, такъ и всѣмъ старымъ и новымъ обвинителямъ еврейства, что они и понятія не имѣютъ объ основахъ ни еврейской религіи, ни этики. Во всѣхъ шести кникахъ трактуется о пятидесяти трехъ вопросахъ, приведенныхъ въ извѣстной книгѣ „Несивосъ-Оломъ".

Краткій перечень этихъ вопросовъ дастъ понятіе о громадности и серьезности этого труда.

Книга первая: Основанія семи заповѣдей сыновей Ноя. Основанія закона писаннаго и устнаго

тоже и гагады, т. е. легендарная часть талмуда. О старшинствѣ. О законахъ вообще и о еврейскихъ въ частности. Писцы. Синедріонъ. Мишна. Священство.

Книга вторая: Царство небесное. Общежитіе. Уваженіе ученыхъ и почитаніе родителей. Наука. Познаніе и любовь къ человѣчеству.

Книга третья: Пиръ Эсфиры, по преданіямъ талмуда. Гражданинъ и чужеземецъ. Умовеніе рукъ. Молитва. Піэтизмъ и проч.

Книга четвертая: Волшебство и черти. О знаніи Синедріономъ общихъ языковъ и наукъ. Астрологія. Амулеты и заговоры. Медицина и врачебныя средства. Суббота и ея законы. Ученіе и анаѳема. Заслуги, грѣхи и раскаяніе.

Книга пятая: Заслуги предковъ. Кущи. Страшный судъ. Поминки. Милостыня.

Книга шестая: Авторитетность. Обязанности женщинъ. Многоженство. Разводъ. Запрещенная пища. Убіеніе скота. Письменность. Трауръ и его законы. Разрѣшеніе зарока. Обязанность сердца. Обрѣзаніе.

Вотъ что онъ въ это время писалъ своему другу Райху:

„Вижу я, что ты не знаешь, что я пересталъ работать надъ книгою „Іеминъ-Цидки“ и всѣ свои силы сосредоточилъ надъ своей великой книгой „Зерубавель“. Въ ней я, слава Богу, обнаружилъ силу и мужество. Клянусь, мнѣ сердце подсказываетъ, что между евреями еще не было такой книги. Я слышалъ, что великіе литовскіе раввины во главѣ съ извѣстнымъ Давидомъ Буховеромъ (Лурье), видѣли ее и превознесли ее до небесъ, обѣщали напечатать ее и перевести на русскій языкъ, какъ это извѣстно Л. Мандельштаму и Р. Кулишеру. Надъ этой книгой я работалъ день и ночь—больше двѣнадцати лѣтъ. Употребилъ надъ ней всѣ свои силы и

потерялъ всѣ источники своего существованія. Я бывалъ на волосъ отъ смерти, когда начиналъ писать или думать о чемъ либо, ибо сидѣніе для меня очень тяжело и съ большими усиліями это дѣлалъ“.

Вотъ еще характерная выдержка изъ его письма, писаннаго въ это время:

„И остался я здѣсь, какъ засохшее дерево въ пустынѣ. Даже живу я за городомъ: тамъ мой домъ. Вся моя отцовская родня уѣхала на жительство въ Одессу, и я остался одинъ. Одна бѣдная, близкая мнѣ женщина, добрая душа, которая осталась здѣсь съ дѣтьми и которой я давалъ на пропитаніе, изъ состраданія, присматривала за мною. Въ прошлую зиму одинъ изъ ея сыновей сошелъ съ ума. Это былъ прекрасный юноша, который зналъ всѣ мои нужды, безъ котораго я жить не могъ. Больше двѣнадцати лѣтъ онъ не отходилъ отъ меня и я его считалъ за сына, потому что воспитывалъ его изъ пеленокъ. Но еще большая бѣда случилась со мною прошлой весной. Его мать захотѣла свезти его (т. е. сумашедшаго) за нѣсколько миль отсюда къ балъ-шему (знахарю)—что значитъ время! Я съ ними послалъ двухъ людей. Въ дорогѣ, посреди лѣса, больной захотѣлъ выскочить изъ телѣги; его стали удерживавать, и онъ жестоко избилъ свою мать, при чемъ она упала изъ телѣги и тутъ же умерла. Больного мнѣ потомъ удалось пристроить въ домъ умалишенныхъ въ Кіевѣ. Словомъ, я остался одинъ и знаю только свою болѣзнь. Постоянно имѣю дѣло съ чужими людьми, которымъ только дѣло до себя и до того, чтобы меня обкрадывать. Я лежу на кровати, все это усиливаетъ мое горе и прибавляетъ страданія къ страданіямъ. Короче, я ничего не могу дѣлать. Даже сидѣть не могу. Послѣ Пасхи я долженъ оставить свое помѣщеніе, перебраться въ городъ и начать лечиться, — авось имѣются еще кое какія надежды.

Есть у меня много написанныхъ сочиненій, всевоз-

можныхъ статей, и кто его знаетъ — дождусь ли я увидѣть ихъ въ печати. Нѣкоторыя изъ нихъ требуютъ еще поправки, пересмотра. Все въ рукахъ Божьихъ. Онъ знаетъ мое сердце, его чувства, Онъ знаетъ, что все, что я дѣлалъ, я дѣлалъ на пользу своего народа и его религіи. Что всегда я имѣлъ въ виду хорошій конецъ.

И когда придетъ мой конецъ, я передамъ всѣ свои бумаги г.г. Майзельсу и Маргулесу и пусть они съ ними дѣлаютъ, что хотятъ.

А на счетъ того, чтобы я посвятилъ свои сочиненія одному важному лицу, что̀ онъ мнѣ письменно разрѣшилъ, то это еще слѣдуетъ обдумать и подождать. Я объ этомъ спрошу — если Богъ мнѣ дастъ жизни — у графа Толстого.

Правда, Генералъ-губернаторъ Бибиковъ и Министръ Уваровъ прекрасно меня знаютъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ, будучи въ Кременцѣ, они очень любезно и долго со мною бесѣдовали. А когда лѣтъ пять тому назадъ пріѣзжалъ сюда Мандельштамъ, который нарочно былъ присланъ ко мнѣ Министромъ Уваровымъ, и показалъ ему письмо Министра, что онъ нарочно посланъ ко мнѣ, Бибиковъ ему сказалъ: „Левинзона я хорошо знаю, очень люблю, поэтому передайте ему поклонъ", Знаю я и отъ другихъ господъ, что Бибиковъ всегда обо мнѣ отзывается хорошо и всегда дѣлаетъ то, что я прошу у него даже и письменно. Будучи въ Кременцѣ, онъ мнѣ сказалъ: „я тебѣ разрѣшаю всегда, когда тебѣ понадобится, обращаться ко мнѣ. Я всегда исполню то, чего ты пожелаешь, потому что знаю, что ничего нехорошаго ты не пожелаешь". Когда онъ пріѣхалъ въ Кременецъ, онъ прислалъ за мною карету и сказалъ мнѣ: „хочу я съ тобою потолковать объ одномъ дѣлѣ, потому что слышалъ о тебѣ много хорошаго и почти нарочно для этого пріѣхалъ въ Кременецъ".

XI.

А вотъ другое письмо этого нéсчастнаго писателя, писанное имъ въ этомъ же году. „Въ дѣтствѣ я жилъ въ довольствѣ и не было отказа никакому моему желанію, а теперь, когда я старъ, я живу въ бѣдности и не имѣю ничего необходимаго. Я даже не могу покинуть свой домъ, заброшеннымъ пустынникомъ сижу я въ своемъ домѣ вдали отъ города. И поэтому, да послужитъ мнѣ это оправданіемъ тѣхъ обвиненій, которыя ты, дорогой господинъ, возводишь на меня. Я вижу, что ты совершенно не знаешь моего положенія. А теперь если я возьму въ руки свитки закона, взойду на амвонъ, приму присягу, повѣришь ли ты мнѣ, мой дорогой? Тебѣ засвидѣтельствуютъ многіе, что 30 лѣтъ я бѣдствую и болѣю, не могу двигаться и совершенно безпомощенъ. И клянусь Богомъ, что ты не долженъ меня осуждать! И во истину, еслибы ты нѣсколько дней побывалъ у меня, все увидѣлъ, узналъ то, что въ письмѣ я писать не могу, тогда ты иначе судилъ бы обо мнѣ. Въ то время когда моя болѣзнь не даетъ мнѣ возможности часъ, другой работать, я долженъ употребить это время на то, чтобы писать письма великодушнымъ людямъ, чтобы они меня поддержали своими щедротами. Притомъ я долженъ поправлять свои многочисленныя рукописи, на которыя я затратилъ болѣе 30 лѣтъ, ради которыхъ я пожертвовалъ жизнью, потому что, за исключеніемъ ихъ, что у меня въ жизни? Ни брата, ни жены, ни дѣтей, ни золота, ни серебра, ни здороваго тѣла, ни друга, ни любимаго человѣка въ своемъ домѣ. Не могу я даже ѣздить въ своемъ городѣ, и одинъ баринъ, который живетъ здѣсь ужѣ четвертый мѣсяцъ, нѣсколько разъ присылалъ за мною карету съ просьбой пріѣхать къ нему, и я не могъ найти времени, чтобы воспользоваться его приглашеніемъ. А вѣдь мой городъ, въ сравненіи съ други-

ми, очень маленькій. Въ продолженіи года бываетъ нѣсколько дней, когда мои силы улучшаются и я хожу къ тѣмъ друзьямъ, которые какъ плѣнники просиживаютъ у меня цѣлые дни".

И при такихъ-то невозможныхъ условіяхъ жилъ, работалъ, и очень много работалъ, человѣкъ, который всю свою жизнь только и думалъ, что о благѣ своего народа. Видно, не красна жизнь такихъ людей.

XII.

Всякая новизна въ мірѣ идей имѣетъ своихъ пророковъ, апостоловъ и мученниковъ. Но это, конечно, только вначалѣ, въ такъ сказать, медовый мѣсяцъ этихъ идей, когда люди преданные своей идеѣ, предполагаютъ, что вѣчно эти идеи останутся такими чистыми, лучезарными, какими онѣ зародились въ душѣ ихъ пророковъ и апостоловъ. Но вотъ, новая идея начинаетъ проникать въ жизнь гдѣ живутъ не одни пророки и апостолы, гдѣ имѣются люди не всегда умные, безкорыстные и честные, и новая идея, мало по малу, начинаетъ передѣлываться на житейскій ладъ, т. е. одинъ не пойметъ въ чемъ дѣло, другой постарается извлечь изъ нее практическую пользу для себя, третій посредствомъ этой идеи постарается залѣзть въ карманъ своего ближняго, и того гляди, что черезъ нѣкоторое время новая идея превращается чортъ знаетъ во что, ее и узнать нельзя. Это, конечно, всегда даетъ поводъ старовѣрамъ, которые всегда боятся новизны, кричать: „смотрите результатъ новыхъ идей; посредствомъ ихъ, платки изъ чужихъ карманновъ таскаютъ". Они совершенно забываютъ что посредствомъ старыхъ идей прекраснѣйшимъ образомъ справляются съ чужими платками...

Культурное движеніе среди евреевъ однимъ изъ главныхъ пророковъ (и мучениковъ), которымъ несомнѣнно былъ Левинзонъ, въ его время, переживало свой медовый мѣсяцъ. Любовь къ просвѣщенію еще не была лишена своей поэтической прелести, она была окружена лучезарнымъ ореоломъ, сіяла красотой высшихъ идеаловъ. Люди были чисты душой, невинны какъ агнецы и готовы были ради этой любви принести какія угодно жертвы. И нѣтъ ничего мудреннаго, что многое изъ того что дѣлалось въ то время намъ, дѣтямъ вѣка горькихъ разочарованій, кажется немного наивнымъ и не совсѣмъ практическимъ. Ужъ слишкомъ, кажется намъ, тогда люди надѣялись на свои силы, правоту, величіе своего дѣла и совершенно при этомъ забывали, что онѝ должны имѣть дѣло съ жизнью, гдѣ всегда имѣется достаточное количество дураковъ и разныхъ проходимцевъ, которые какое угодно дѣло съумѣютъ запакостить такъ, что его и узнать нельзя будетъ. И именно по этому, многія изъ тѣхъ прекрасныхъ начинаній, которыя такъ волновали умы передовыхъ людей того времени, о чемъ они такъ много хлопотали, писали, или ничѣмъ не окончились, или же окончились тѣмъ, чего иниціаторы совсѣмъ не ожидали. А что въ то время люди не спали, а работали, работали съ жаромъ, энергіей, съ тѣмъ что-бы провести въ жизнь новыя начала, это несомнѣнно. Какъ евреи, такъ и русскіе люди, дружно работали въ одномъ направленіи, всѣ они хотѣли одного и того-же. Между правительствомъ и еврейскими передовиками существовала полнѣйшая гармонія. Правительство охотно помогало всякимъ начинаніямъ передовыхъ евреевъ, и передовые евреи горой стояли за правительство и всячески ему помогали своими совѣтами, указаніями, знаніями той жизни, которую правительство хотѣло пересоздать. Все, повидимому, благопріятствовало тому, чтобы заря новой еврейской жизни занялась очень широко, но.... но въ томъ то и дѣло, что

жизнь не всегда идетъ по тщательно разработаннымъ планамъ, проектамъ, даже по предписаніямъ начальства, а своей дорогой.*)

---

*) Приблизительныя понятія о томъ восторгѣ, съ какимъ интеллигентные евреи тогда встрѣчали всякое мѣропріятіе правительства, можно себѣ составить изъ письма Тиктина (изъ Одессы). Вотъ что онъ пишетъ: Въ письмѣ, полученномъ мною отъ 19 Іюля, мнѣ сообщаютъ изъ Вильны, что Государь приказалъ, подъ наблюденіемъ Министра Уварова, учредить въ Петербургѣ Комитетъ для того, чтобы завести новые порядки въ воспитаніи еврейскаго юношества и пробудить евреевъ отъ сна. Оттуда же передаютъ, что генералъ губ. должны избрать изъ своихъ округовъ самыхъ почтенныхъ и уважаемыхъ лицъ и послать ихъ въ Комитетъ и что въ Комитетѣ будетъ докторъ Лиліенталь. Полагаю, что когда докторъ Лиліенталь будетъ въ вашихъ краяхъ, онъ безъ сомнѣнія навѣститъ твою честь. Вѣдь ты первый своими добрыми дѣлами и своими полезными книгами съумѣлъ обратить на насъ высокое вниманіе Государя. Твои книги были разсадниками добрыхъ чувствъ въ сердцахъ нашихъ братьевъ, оне пробудили ихъ отъ сна. Я знаю, какіе дни печали и скорби ты перенесъ. Вѣдь и мнѣ ты помогъ, открылъ мнѣ глаза, я узналъ, что я не даромъ родился и не даромъ прожилъ вѣкъ свой. Ужасъ меня беретъ, когда я вспоминаю порядки нашихъ школъ, какихъ прошелъ и я самъ. Я былъ терзаемъ, избиваемъ для того, чтобы узнать какую одежду носилъ первосвященникъ, сколько мытарствъ въ аду. А когда у меня, твоими и другими книгами, открылись глаза, моя родня поспѣшила навязать мнѣ на шею жерновъ, и мнѣ, еще совершенно невинному ребенку, дали жену. Я тогда даже не зналъ исторію своего народа, не говоря уже объ общей исторіи. Слезы льются у меня когда я вижу, что дѣти другихъ народовъ знаютъ исторію со дня сотворенія міра до нашихъ дней (Господинъ Тиктинъ повидимому былъ большимъ любителемъ исторіи). Я когда былъ еще мальчикомъ думалъ о томъ: отчего намъ запрещена всеобщая пища и много такихъ другихъ вещей. И поэтому можно себѣ представить какое громадное значеніе будетъ имѣть совѣтъ людей, въ рукахъ которыхъ будетъ находиться судьба нашихъ дѣтей и всего нашего рода.

P. S. Тутъ получилось отъ Министра распоряженіе, что когда сюда пріѣдетъ докторъ Лиліенталь, чтобы его приняли съ уваженіемъ и не дѣлали ему препятствій, если онъ найдетъ нужнымъ, дѣ-

Понятно, что Левинзонъ, какъ одинъ изъ самыхъ видныхъ и замѣчательныхъ представителей прогрессивнаго еврейства, (который былъ хорошо извѣстенъ правительству), по естественному положенію вещей, долженъ былъ принять дѣятельное участіе въ практическомъ осуществленіи задуманныхъ плановъ. И помимо своей чисто литературной пропагадны, своихъ идей, онъ не могъ не желать по возможности скорѣе провести ихъ въ жизнь чисто практическимъ путемъ. Тѣмъ болѣе, что, такъ сказать, сама практика его невольно тянула къ себѣ. Къ нему, то и дѣло, обращались за совѣтами, разъясненіями, содѣйствіемъ, какъ евреи, такъ и правительственныя лица, учрежденія, которымъ не доставало спеціальнаго знанія еврейской литературы и жизни. Не было почти ни одного вопроса въ еврейской жизни (а такихъ было тогда безчисленное множество; люди тогда думали, что однимъ почеркомъ пера можно въ одно прекрасное утро совершенно измѣнить какую угодно народную жизнь) въ разрѣшеніи котораго, такъ или иначе, не принялъ бы участія Левинзонъ. Еще въ 1827 году, когда онъ былъ еще далеко не въ апогеѣ своей славы (тогда ни одинъ значительный трудъ его не былъ еще напечатанъ) въ правительственныхъ сферахъ его ужъ настолько знали, считали настолько авторитетнымъ и заслуживающимъ довѣрія, что князь Эммануилъ Ливенъ счелъ возможнымъ поручить

лать общественныя собранія. Поэтому поводу вчера собрались всѣ почтенныя и уважаемыя лица нашего города и рѣшили нанять для него большое роскошное помѣщеніе, гдѣ бы могли происходить общественныя собранія, заготовить для него карету во все времи его пребыванія здѣсь устроить ему обѣдъ и все это будетъ стоить 1500 рублей. Двумъ распорядителямъ поручено сдѣлать все это какъ слѣдуетъ. Какъ хорошо, когда все дѣлается по правдѣ и справедливости. Но чаша не безъ горечи и яда, и тутъ дѣло не обошлось безъ вражды, соперничества, честолюбія.“

ему разрѣшить такіе серьезные 34 вопроса, какъ нижеслѣдующіе:

1. Что принимаютъ составители Талмуда и равнины, придерживающіеся ихъ мнѣнія, за основаніе религіи по закону Моисея?

2. Правда ли, что евреи обладаютъ сочиненіями, составленными прежде Торы Моисея, и если такъ, зачѣмъ же Моисей не говоритъ о нихъ вовсе въ своихъ божественныхъ книгахъ и прочіе пророки и писатели, жившіе послѣ него, также не упоминаютъ о нихъ?

3. Какимъ письмомъ была написана Тора въ то время?

4. Были ли еще другія книги кромѣ 24 книгъ священнаго писанія со времени Моисея до послѣднихъ пророковъ?

5. Правда ли, что законы, предписанны Моисеемъ, не имѣютъ, по мнѣнію составителей талмуда, никакихъ разумныхъ основаній и причинъ, которыя можно было-бы объяснять разсудкомъ, не смотря на то, что сама Тора объясняетъ намъ раціонально нѣкоторыя изъ своихъ предписаній, и говоритъ также, что „народы услышатъ о вашихъ (еврейскихъ) законахъ и похвалятъ васъ за умъ вашъ". Какъ-же, спрашивается, похвалить васъ, т. е. народъ еврейскій, не постигая его законовъ?

6. Дѣйствительно-ли составители Талмуда и прочіе раввины, придерживающіеся ихъ мнѣній, объясняютъ, будто всѣ предписанія и запрещенія Торы, опредѣляющія отношенія человѣка къ человѣку, имѣютъ силу только въ отношеніи къ еврейскому народу, но не къ другой какой либо націи, и что еврею дозволено дѣлать всякое зло и несправедливость не-еврею, особенно христіанамъ, къ которымъ еврейскій народъ питаетъ большую ненависть, такъ что вредить имъ считается богоугоднымъ дѣломъ?

7. На чемъ, вообще, основанъ Талмудъ? Что содержитъ онъ? Кто его сочинилъ? Въ какое время? Гдѣ и на какомъ языкѣ онъ былъ написанъ?

8. Какія именно книги составляютъ Талмудъ? И есть ли у евреевъ еще другія книги, пользующіяся у нихъ равнымъ почетомъ? Кто ихъ сочинилъ и какое ихъ содержаніе?

9. Содержитъ ли Талмудъ что-иибудь научное? Какъ говорятъ, онъ полонъ нелѣпостей, разсказовъ и анекдотовъ, противныхъ истинѣ, чувству и разсудку?

10. На какомъ основаніи составители Талмуда дозволили себѣ прибавлять и убавлятъ предписанія Торы до того, что она теперь совершенно переиначена, тогда какъ сама Тора заповѣдала; „не прибавляйте и не убавляйте“? Далѣе, какимъ образомъ они извращаютъ текстъ св. Писанія, придавая ему чуждыя понятія и толкованія, вовсе не соотвѣтствующія естественному смыслу, наперекоръ грамматикѣ и свойствамъ священнаго языка? Странное дѣло также, отчего мудрецы ваши заботились все объ увеличеніи строгихъ постановленій, а не облегчительныхъ?

11. Существуютъ-ли еще и теперь нѣкоторыя секты, бывшія во времена второго храма? Кто это караимы? Когда они возникли?

12. Правда ли, что теперешніе евреи происходятъ отъ фарисеевъ, существовавшихъ во времена второго храма, которыхъ лицемѣріе и дурное направленіе, какъ въ Торѣ, такъ и въ наукѣ и общежитіи, Законодатель христіанъ сильно осуждаетъ, какъ читается въ новомъ завѣтѣ?

13. Къ чему вамъ тысячи предписаній и ограждeній, надъ которыми евреи проводятъ весь свой вѣкъ, не имѣя времени для работы?

21. Что такое шхина? Что такое клипа и сатана? Что значатъ: тайны, каваны, шемотъ и заклинанія?

22. Правда ли, что „зогаръ“ и кабалисты доказываютъ, будто Тора Моисея полна аллегорій и аналогическихъ указаній, какъ въ ея предписаніяхъ, такъ и въ ея разсказахъ?

23. Правда ли, что въ „зогарѣ“ находятся мѣста, написанныя противъ талмуда, и что онъ (Зогаръ) клонится отчасти къ началамъ и новыхъ вѣръ, кромѣ еврейской? что сочиненіе это почитается святымъ и даже предпочитается Талмуду, потому что ученіе его, по убѣжденію евреевъ, перешло къ его автору отъ пророка Ильи, ангеловъ и самаго Господа? Говорятъ, что въ немъ еще больше странныхъ и вредныхъ вещей и обрядовъ, неприличныхъ передъ Богомъ и людьми?

24. Правда ли то, что утверждаетъ одинъ раввинъ, принявшій христіанскую вѣру, большой знатокъ каббалистической и, вообще, еврейской науки, будто-бы въ „Загорѣ“, равно какъ и въ другихъ каббалистическихъ книгахъ, говорится о вѣрѣ въ Св. Троицу?

25. Есть ли у евреевъ научныя книги? Кто ихъ сочинилъ? въ какое время? Что думаетъ о нихъ и сочинителяхъ ихъ простой народъ, такъ какъ онъ вѣрно полагаетъ, что эти книги противны предписаніямъ талмудистовъ и раввиновъ.

26. Бывали ли у евреевъ какія нибудь училища общихъ наукъ?

27. Правда ли, что ученіе Сабтая-Цви, надѣлавшее въ свое время столько шуму, еще теперь существуетъ?

28. Правда-ли, что ученіе Сабтая-Цви основано было на „Зогарѣ“ и Каббалѣ?

29. Существуетъ-ли у евреевъ какія нибудь богоугодныя заведенія, учрежденныя для блага общественнаго, для бѣдныхъ больныхъ и бѣдныхъ учащихся, и имѣете ли вы теперь, какъ слѣдуетъ училища и высшія школы?

30. Кто это хассиды, существующіе въ нашемъ государствѣ? Въ чемъ сущность ихъ ученія? Кто основалъ ихъ секту? Въ какое время? въ какихъ городахъ они преимущественно находятся? Есть ли у нихъ особенные молитвенные дома?

31. Сколько сектъ теперь между хассидами? являлись ли еще въ послѣднее время новыя секты у евреевъ?

32. Есть ли еще надежда преобразовать евреевъ и какими средствами? *)

33. Какое значеніе „Мессіи", котораго всѣ евреи ожидаютъ и о которомъ они молятся? Кто этотъ Мессія-бенъ-Іосифъ, который будетъ убитъ? Правда ли, что по прибытіи Мессіи, евреи надѣются владѣть всѣмъ міромъ? Что въ ихъ рукахъ исключительно будетъ владычество, честь, слава и богатство и что никакой другой народъ, кромѣ евреевъ, не будетъ участвовать въ земномъ благполучіи, а тѣмъ болѣе въ небесномъ, и что еврей не долженъ стараться содѣйствовать благу страны, въ которой онъ живетъ, такъ какъ у него нѣтъ съ ней ничего общаго?

Это обстоятельство—причина тому, что многіе государи не рѣшаются даровать евреямъ правъ гражданства, не говоря уже о томъ, что религія строго предписываетъ имъ даже во времена несчастія и общей бѣды, не нарушать празднованія субботы и прочихъ праздниковъ.

34. Какъ можно принимать еврея въ какое-либо христіанское общество, какъ можетъ онъ пріобрѣсть въ немъ друзей, и какъ можно предоставить ему какую-нибудь должность, если онъ всячески чуждается христіанъ; когда, по предписанію талмудистовъ и раввиновъ, ему запрещено

*) Считаю не лишнимъ обратить вниманіе передовыхъ людей еврейской націи на полезные совѣты Левинзона относительно этого вопроса; вытекавшіе изъ его чистаго сердца. См. „Бетъ-Іегуда", гл 146, стр. 348, издан. 1839.

учиться наукамъ и иностраннымъ языкамъ, какъ выше было уже сказано, пріобрѣтать какія либо свѣд ѣнія, отно сящіяся къ практической жизни, принимать какое-либо нравственное ученіе и какой-либо обычай отъ не евреевъ, будь онъ основанъ на самыхъ лучшихъ законахъ нравственности. Между тѣмъ, извѣстно, что самыя просвѣщенныя націи нуждаются въ заимствованіи отъ другихъ народовъ обычаевъ и житейскихъ правилъ, если только они хороши?

Отвѣты на эти вопросы Министра разбросаны по всѣмъ его сочиненіямъ, но главнымъ образомъ составляютъ содержаніе книги „Бетъ-Іегуда". По важностиэтихъ вопросовъ можно судить и о серьезности книги, которая собственно составляетъ историческое развитіе іудаизма. Но исторія іудаизма Левинзона не голословная, ни на чемъ не основанная, а логически вытекающая изъ неопровержимыхъ фактовъ, противъ которыхъ ничего не подѣлаетъ никакая критика. Какое важное научное значеніе имѣетъ это сочиненіе — доказываетъ слѣдующее письмо директора Кременецкаго Лицея Д-ра философіи Андрея Өаддѣевича Левицкаго. „Извѣщаю тебя—писалъ онъ Левинзону—что польскій переводъ твоего сочиненія о іудаизмѣ читанъ былъ всѣми ученными здѣшняго лицея. Дай Богъ, чтобы ты успѣлъ достигнуть желаемой цѣли, къ которой ты стремишься съ самой юности твоей, именно: преобразовать твоихъ братьевъ въ отношеніи религіи, науки и нравственности, поощрять ихъ къ земледѣльческимъ и фабричнымъ занятіямъ" *).

Естественно, что при такихъ условіяхъ, т. е. довѣріи къ нему правительственныхъ лицъ, ему очень часто приходилось выступать въ роли практическаго дѣятеля.

---

*) Письмо это, написанное на латинскомъ языкѣ, помѣщено въ предисловіи къ сочиненію его „Бетъ-Іегуда" 19 Января 1829 г.

Эта сторона его дѣятельности пока еще не достаточно выяснена и хранится еще въ архивахъ разныхъ министерствъ, но тѣмъ не менѣе кое что и по этой части проскалзываетъ въ перепискѣ Левинзона съ тогдашними дѣятелями. Изъ нея видно, что и онъ подаетъ докладныя записки, составляетъ проекты, обсуждаетъ проекты другихъ, словомъ онъ думаетъ воздѣйствовать на умы не только теоретически, но и практически.

Но нужно сказать правду, что тамъ, гдѣ онъ касается практики, она всегда сильнѣе его. Изъ первыхъ же его пріемовъ видно, что практику-то онъ видѣлъ только изъ маленькаго окошечка своего дома, гдѣ онъ безвыходно просидѣлъ почти всю свою жизнь, а при такихъ условіяхъ и самому сильному уму съ практикою никогда не справится и всегда въ ней хромать будетъ. Въ этомъ, можетъ быть, вся тайна тѣхъ неудачъ, которыя потерпѣли почти всѣ догдашнія мѣропріятія относительно евреевъ. Главными поборниками и проводителями въ жизнь всѣхъ этихъ прекрасныхъ по существу своему мѣропріятій были люди (какъ евреи, такъ и русскіе) очень умные, честные, искренніе, но ужасно далеко стоявшіе отъ практики, такъ далеко, что когда внимательно присмотришься къ тому что они дѣлали, то ясно видишь, что они никогда ея въ глаза не видѣли. Это было прекрасные теоретики, но ужасно плохіе практики.

Любопытно взглянуть на одинъ изъ такихъ проектовъ Левинзона, посредствомъ котораго онъ думалъ вдохнуть въ еврейскую жизнь новое направленіе. Вотъ что онъ проектируетъ:

1. „Основать повсемѣстно благоустроенныя училища, гдѣ бы молодое поколѣніе могло получать надлежащее воспитаніе, основанное на религіи любви къ родинѣ и своему ближнему. Для этого слѣдуетъ сдѣлать подборъ религіозныхъ, этическихъ и образовательныхъ книгъ, которыя своимъ содержаніемъ соотвѣтствовали бы возрасту дѣтей.

Дѣвочки тоже должны получать въ школахъ соотвѣтственное ихъ полу воспитаніе. Каждый ребенокъ, какъ мужскаго пола, такъ и женскаго долженъ выучиться какому либо ремеслу, потому что отсутствіе вѣрнаго источника существованія—причина всякаго преступленія. Учителя и учительницы должны быть люди образованные, нравственно безукоризненные, педагоги по призванію, потому что для того, чтобы воспитывать дѣтей, недостаточно имѣть свѣдѣнія, но нужно имѣть еще къ этому призваніе. Нѣтъ надобности, чтобы всѣ были раввинами, учеными, лингвистами, докторами, философами и поэтами, достаточно, если каждый будетъ знать священное писаніе съ небольшими коментаріями, будетъ имѣть понятіе о главныхъ еврейскихъ законахъ. Необходимо еще умѣть читать и писать по русски, знать арифметику, умѣть читать и понимать на древне-еврейскомъ языкѣ этическія книги, а также немного писать на этомъ языкѣ".

Все это, какъ читатель видитъ, сущія пустяки, а главное ничего не стоитъ набрать педагоговъ по призванію, да еще въ то время, когда учиться по русски считалось грѣхомъ. Остается еще удивляться, какъ по двѣнадцати лѣтъ (какъ это выяснится дальше) всякій ребенокъ можетъ пройти такую программу, да еще выучиться ремеслу, которое обезпечивало бы его существованіе.

2. „Избрать окружного раввина такого который отличался-бы, какъ въ еврейскихъ наукахъ, такъ и въ другихъ, (вѣдь такими раввинами хоть прудь пруди). При этомъ раввинѣ долженъ находиться бес-динъ (нѣчто въ родѣ суда или совѣта) составленный изъ людей образованныхъ. Черезъ нихъ должны быть избираемы раввины-проповѣдники, люди свѣдущіе, для другихъ городовъ. Окружной раввинъ управляетъ всѣми дѣлами синагогъ, молитвенныхъ домовъ и училищъ, подвѣдомственныхъ ему городовъ. Онъ долженъ установливать порядокъ богослуженія въ подвѣдомственныхъ ему синагогахъ. Такимъ образомъ, должны быть

избраны люди образованные, уважаемые и почтенные лица въ окружные попечители для наблюденія за общественными дѣлами".

3: „Въ каждомъ городѣ должны быть проповѣдники, какъ это водится издавна. Но они должны быть очень талантливые, краснорѣчевые и просвѣщенные люди, которые краснорѣчіемъ и умомъ производили бы впечатлѣніе на сердца людей и отвращали ихъ отъ дурныхъ поступковъ (за такими проповѣдниками тоже вѣдь дѣло не станетъ)".

4. „Ходатайствоватъ у правительства, чтобы оно еврейскимъ общинамъ дало земли, дабы евреи могли заняться земледѣліемъ и скотоводствомъ, какъ это дѣлали наши предки. Въ колоніяхъ должны быть училища гдѣ дѣти до двѣнадцати лѣтнягѡ возраста учились бы по вышеупомянутой программѣ. Каждая деревня должна имѣть свой отдѣльный Молитвенный домъ, въ немъ долженъ быть проповѣдникъ, который, по праздникамъ, наставлялъ бы прихожанъ".

5. „Раввины должны обязать свои общины, чтобы никто изъ евреевъ не смѣлъ одѣваться въ шелкъ, бархатъ, носить на себѣ золото, серебро и драгоцѣнныхъ камней. Никто не долженъ употреблять серебрянной и золотой посуды и утвари, ѣздить въ каретахъ и вообще долдаже женъ измѣнить существующій порядокъ, по которому нищій гоняется за богатымъ, одѣваетъ своихъ дѣтей, какъ богатый, потому что, по правдѣ сказать, это и есть первая причина, которая развиваетъ въ нашемъ народѣ тѣ недостатки, которые и состовляютъ грѣхи нашего народа. Въ особенности же евреи должны посвятить себя земледѣлію и заниматься приличными и честными промыслами, должны нести простую нероскошную жизнь, одѣваться въ недорогое простое, но чистое платье. Если, прибавляетъ теоретикъ-мечтатель, эти правила будутъ соблюдены, по моему плану, тогда, съ Божьей помощью, домъ Израиля

возвратится къ первоначальной чистотѣ своей религіи и будетъ, какъ во время оно, народомъ избраннымъ. Онъ будетъ жить въ покоѣ и мирѣ, и всѣ народы его прославлятъ".

Самое главное значитъ „если" — вопросъ только въ томъ, какъ устранить это маленькое „если".

Вообще, тогда люди не прочь были помечтать, и не стѣснялись создавать довольно таки рискованные планы. Вотъ одинъ изъ такихъ плановъ, который былъ составленъ собраніемъ всѣхъ просвѣщенныхъ людей города Вильны, и присланный Левинзону съ просьбою поддержать его, въ чемъ, разумѣется, тотъ не отказалъ. Это нѣчто въ родѣ воззванія, по всей вѣроятности, разосланный ко всѣмъ общинамъ, гдѣ имѣлись интеллигентные кружки и т. под.

„Милостивое и благосклонное вниманіе, говорилось въ этомъ воззваніи, обращенное на насъ съ высоты правительственной власти, слѣдствіемъ чего было учрежденіе комитетовъ по улучшенію быта евреевъ и ихъ образованію— даетъ намъ смѣлость выйти на помощь просвѣщенію, возвысить его уровень среди евреевъ и вознести благодарственныя молитвы за нашего благочестиваго Государя—да продлятся дни Его—за то, что Онъ простеръ на насъ Свою благосклонность и старается насъ очеловѣчить. Эти священныя чувства воспламенили сердца всѣхъ просвѣщенныхъ людей города Вильны, которые поспѣшили собраться и обсудить слѣдующіе вопросы, которые интересуютъ всѣхъ образованныхъ людей и правительство, о которыхъ ужъ давно тщетно вопіютъ всѣ наши великіе писатели, радѣющіе о благѣ народомъ.

XIII.

Вотъ эти пункты:

1. Раввины и учителя народа. Они первая причина нашего нападенія. Съ тѣхъ поръ, какъ у нась исчезли люди великіе духомъ, люди сильные какъ въ еврейскихъ, такъ и въ другихъ наукахъ, нашъ народъ уподобляется овцамъ безъ пастыря, и, вмѣсто того чтобы раввины были первыми во всѣхъ познаніяхъ, наукахъ, для того чтобы они могли были заслужить благосклонность правительства, при случаѣ предстать предъ Царемъ, дать совѣтъ въ дѣлахъ общихъ, быть защитниками своего народа и умѣть отстаивать всякое правое и разумное дѣло — вмѣсто всего этого, увы, плакать долженъ всякій разумный человѣкъ, когда видитъ въ какихъ рукахъ находится наше представительство. Это люди безъ знанія, безъ языка, и въ дѣлахъ житейскихъ они не могутъ отличить правой руки отъ лѣвой. Они какъ дѣти не могутъ открыть своего рта и какъ кроты прячутся отъ сіянія властителя и совершенно безсильный дать какой либо совѣтъ въ дѣлахъ общины. Даже въ Талмудѣ они интересуются частностями, пустяками, и пропускаютъ въ немъ мимо ушей все хорошее, полезное, которое въ немъ находится и которое составляетъ гордость нашего народа. Занимаются они частностями, пустяками, не обращаютъ вниманія на общія дѣла, не стараются исправлять нравы, возвысить престижъ знаній, возбудить въ народѣ охоту къ земледѣлію, ремесламъ. И ни откуда народу нѣтъ помощи; упалъ народъ и никто не старается поставить его на ноги, онъ сдѣлался притчей во языцѣхъ. И неужели мы, глядя на то, какъ руководители народа сбиваютъ его съ толку, будемъ сидѣть сложа руки?

2. Воспитаніе еврейскаго юношества. Меламеды-учителя, на погибель еврейскихъ дѣтей плодятся и множатся какъ саранча. Всѣ они невѣжды, безъ всякихъ понятій, знаній, и за исключеніемъ небольшого умѣнія щебетать въ Талмудѣ и его коментаріяхъ, они ни о чемъ понятія не имѣютъ. Этимъ людямъ чужды разумныя начала, нравственныя основы и знанія общежитейскихъ правилъ и приносятъ они только одинъ вредъ. Эти дураки бѣгутъ отъ познаній. — Исчезни нечисть! — кричатъ они. И въ сердцахъ дѣтей, которыхъ они, какъ овецъ ведутъ на закаланіе, укрѣпляютъ вѣру во всякій вздоръ и религіозный фанатизмъ. И что можно ожидать отъ дѣтей, воспитанныхъ такими остолопами; отъ этого получаются люди испорченные, упрямые, безсердечные и какъ дикари они остаются до самой смерти со своей глупостью.

3. Ханжи, святоши и мракобѣсы всегда были нашимъ несчастіемъ, они внѣдряютъ въ народъ ложныя понятія, изгоняютъ изъ среди насъ науку и само-помощь. Эта язва распространилась въ нашей странѣ и, своими ложными ученіями и скверными нравами, сбиваетъ народъ съ толку.

Тутъ идетъ еще одинъ пунктъ подъ заглавіемъ: отсутствіе источниковъ къ существованію вообще у образованныхъ въ особенности. Въ этомъ пунктѣ тоже говорится о многихъ прекрасныхъ вещахъ и доказывается въ какомъ бѣдственномъ, какъ матеріальномъ, такъ и нравственномъ положеніи находятся люди интеллигентные. Тутъ, разумѣется, изслѣдуются средства, которыя нимедленно слѣдуетъ предпринять для того, чтобы все это исправить. Это конечно, цѣлая программа и по существу мало чѣмъ отличающаяся отъ программы Левинзона. Тутъ только побольше, систематичности и побольше, такъ сказать, практической дѣловидности, потому что въ составленіи ея при-

нимали участіе такіе дѣятели-практики, какъ Тугентольдъ, Розенталь и Клячко. Такъ, прежде чѣмъ назначить идеальныхъ раввиновъ, которые, какъ по мановенію волшебнаго жезла, могли бы измѣнить весь строй еврейской жизни, они позаботились проектировать учрежденіе, которое могло бы создать такихъ раввиновъ. Иначе гдѣ же ихъ было взять? Окружные раввины, консисторіи и, вообще, весь остальной порядокъ по этому пункту остался Левинзоновскій. Въ школьномъ дѣлѣ Виленскіе дѣятели тоже въ мало чемъ расходились съ Левинзономъ. Впрочемъ, объ обязательности въ первоначальныхъ школахъ ремеслъ, они ничего не говорили, они только хотѣли, чтобы въ каждой губерніи, или даже уѣздѣ, были учреждены техническія и ремесленныя школы. Не прочь они были и отъ того, чтобы правительство уполномочило людей просвѣщенныхъ уничтожать ханжествующихъ и глупыхъ святошъ (неизвѣстно только, какими средствами и какимъ мѣриломъ они при этомъ должны были руководствоваться). Что земледѣліе въ этомъ проектѣ занимало почтенное мѣсто, объ этомъ и говорить нечего.

Борьба между старыми и новыми теченіями шла не на жизнь, а на смерть. Какъ представители старыхъ порядковъ такъ и новаторы, работали съ жаромъ и энергіею и бѣдному Левинзону, который въ этой борьбы не занималъ оффиціальнаго положенія (по своей болѣзненности, онъ не могъ его занимать: ему министерство нѣсколько разъ предлагало мѣсто), вездѣ и повсюоу приходилось однакожъ одуваться своими боками. Отовсюду и со всѣхъ сторонъ, отъ частныхъ лицъ, общинъ къ нему постоянно обращались за совѣтами,*) указаніями, взглядами на то

*) Вотъ одинъ изъ такихъ многочисленныхъ запросовъ, съ которыми въ то время со всѣхъ сторонъ обращались къ Левинзону. Спрашиваетъ общество города Дубно, которое ужъ по этому пово-

или другое. Всѣ, при затруднительныхъ обстоятельствахъ прибѣгали къ нему за помощью, заступничествомъ передъ правительствомъ. Онъ никому ни въ чемъ не отказывалъ и всегда давалъ совѣтъ, высказывалъ свои взгляды, а когда нужно было просить, ходатайствовать, то и за этимъ у него дѣло не стало. Такъ, когда вышелъ указъ, что евреи города Брестъ-Литовска въ продолженіи года должны снести свои дома, для постройки крѣпости, Брестъ-Литовское еврейское общество (между которыми были не одни его поклонники) обратилось къ нему съ просьбой, похлопотать объ этомъ, и его ходатайство было уважено,

---

ду переписывалось съ интеллигентными представителями города Вильны, Бѣлостока и Гродно. Рѣчь идетъ о предполагаемой правительствомъ реформѣ раввината и синагогальныхъ порядковъ. Вотъ между прочимъ, что онъ пишетъ: „Какова будетъ сущность людей, которые отнынѣ будутъ занимать мѣста раввиновъ? имѣются ли теперь гдѣ нибудь такія учрежденія, которыя могли бы подготовить молодыхъ людей къ исполненію раввинскихъ обязанностей? Можно ли найти средства и разумныя мѣры для того, чтобы впередъ должность раввиновъ и, вообще, религіозныя дѣла евреевъ находились въ рукахъ вѣрныхъ, умѣющихъ сообразоваться съ требованіями правительства, и въ тоже время могли бы, мало по малу, дѣйствовать на сердца нашихъ единовѣрцевъ, искоренять у нихъ ложные взгляды, вредные обычаи и приблизить ихъ къ истинной вѣрѣ и просвѣщенію, гражданству, земледѣлію, словомъ, сдѣлать изъ нихъ полезныхъ гражданъ? Отвѣтъ на эти вопросы хочетъ получить отъ насъ комитетъ (по еврейскимъ дѣламъ) въ наивозможно кратчайшій срокъ“.

Изъ Вильны намъ пишутъ: „Что есть же у васъ такой почтенный и просвѣщенный человѣкъ, какъ І. Б. Левинзонъ, который всегда заботился о благѣ своего народа, обратитесь же къ нему, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ не откажется послужить своему народу, дастъ вамъ совѣтъ, а если понадобится похлопочетъ и у правительства объ улучшеніи нашего положенія. Авось Богъ дастъ и мы, и наши дѣти должны будутъ быть благодарны этому дорогому человѣку и, имя его на вѣчныя времена начертятъ на скрижаляхъ исторіи нашего народа“.

какъ видно изъ его стихотворной книги „Эшколъ Гасоферъ“.

Насколько Левинзонъ пользовался вліяніемъ въ правительственныхъ сферахъ, показываетъ письмо Зельцера, въ которомъ онъ увѣдомляетъ Левинзона, что онъ (т. е. Зельцеръ) получилъ письменное увѣдомленіе отъ графа Адлерберга, что Государь, на счетъ поданной Ему въ городѣ Гомелѣ просьбы (о чемъ не извѣстно, но надо полагать что не о личномъ дѣлѣ) выразился слѣдующими словами: „увѣдомить его (т. е. Левинзона), что рекрутская повинность для евреевъ имѣетъ цѣлью уничтожить тунеядцевъ, которые бываютъ бременемъ для ихъ же братьевъ. *) Смот. „Сеферъ Газихронотъ“ гдѣ подробно приводится письмо г. Зельцера.

Кстати, любопытныя вещи сообщаетъ этотъ Зельцеръ Левинзону въ томъ же письмѣ. Эти свѣдѣнія, пожалуй, могли навести Левинзона на грустныя размышленія по поводу нѣкоторыхъ прекрасно составленныхъ имъ проектовъ Зельцеръ разсказываетъ ему о раввинской коммиссіи, созванной тогда правительствомъ для обсужденія мѣръ къ улучшенію, какъ матеріельнаго, такъ и нравственнаго быта евреевъ. Между прочимъ, онъ говоритъ: „Послѣдній вопросъ, предложенный раввинамъ, былъ: какими сред-

---

*) Самъ по себѣ Зельцеръ, тоже очень оригинальная и типическая личность. Это былъ коммерсантъ, но такой, который всю свою жизнь меньше всего занимался своими дѣлами. Будучи, повидимому, изъ неособенно образованныхъ (по его словамъ, онъ самоучкой, безъ всякаго руководителя, выучился немного еврейскому, русскому и нѣмецкому языкамъ) онъ, однако же, сдѣлался горячимъ поборникомъ просвѣщенія. На 25 году онъ избирается старшиною или головою, въ своемъ родномъ г. Шкловѣ и гордится тѣмъ, „что богатымъ я не поступался и всегда съ Божіею помощью я былъ за,

ствами можно уничтожить собраніе хассидовъ и ихъ праведниковъ? Гомельскій раввинъ отвѣтилъ, что онъ на этихъ собраніяхъ не видитъ ничего предосудительнаго, Митавскій же раввинъ и Бернштейнъ изъ Одессы указали шесть пунктовъ, посредствомъ которыхъ это можно сдѣлать. Когда раввины пришли къ министру Уварову проститься съ нимъ передъ отъѣздомъ, и онъ хотѣлъ съ ними поговорить, всѣ они оказались нѣмыми. Никто изъ нихъ не могъ говорить по русски. Съ чѣмъ они пришли, съ тѣмъ и ушли. И что такіе люди могли сдѣлать у такого почтеннаго сановника, какъ Уваровъ. Унизились евреи тѣмъ, что они были настолько недальновидны и не избрали людей образованнымъ, знающихъ.

Вотъ еще отрывокъ изъ другого письма Зельцера: „Передъ тѣмъ, какъ я уѣхалъ изъ Петербурга, пріѣхали

щитою бѣдняковъ". Когда въ 1889 году черезъ Шкловъ проѣзжалъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, Зельцеръ представилъ ему на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ стихи. Цесаревичъ удостоиваетъ его словами: „Память объ этомъ всегда будетъ жить въ моемъ сердце" и обѣщаетъ исполнить нѣкоторыя его просьбы относительно евреевъ. Въ 1845 г., когда черезъ Шкловъ проѣзжаетъ Государь, онъ Ему представляется и удостоивается бесѣдѣ въ продолженіи четверти часа. На словесно выраженную имъ (Зельцеромъ) просьбу (относительнаго положенія евреевъ) Государь ему говоритъ: „Напишите вашу просьбу на бумагѣ и Я ее прочту". Въ 1846 г. Зельцеръ былъ избранъ депутатомъ въ Петербургъ. Тамъ ему удается соискать благоволеніе такихъ высокопоставленныхъ лицъ, какъ графовъ: Киселева, Орлова, Блудова, Сперанскаго, министра народнаго просвѣщенія Уварова и Могилевскаго военнаго Генералъ-Губернатора, который тогда находился въ Петербургѣ. Вообще это, повидимому, былъ человѣкъ очень умный, дѣятельный, который всю свою энергію посвящалъ не своему личному дѣлу, а общему. О такихъ коммерсантахъ, надо правду сказать, теперь что то не слышно.

сюда четыре раввина: одинъ почтенный старецъ ребъ-Айзикъ Эпштейнъ изъ Гомеля, Могилевской губ.—избранникъ Либавичскихъ хассидовъ, знатокъ каббалистическихъ тайнъ, но ровно ничего не смыслитъ въ современныхъ требованіяхъ. 2-й, ребъ Менахемъ Любавицкій, Митавской губ., питомецъ Волбжинскаго эшибота, очень набоженъ, знаетъ нѣмецкій языкъ, но по русски не знаетъ ни слова. Третій изъ Волыни, по русски ни бельмеса и даже не понимаетъ сути того, о чемъ идетъ рѣчь. Четвертый — одесскій купецъ Бернштейнъ, бритый, знающій нѣмецкій, французскій, русскій языки, человѣкъ свѣдущій, онъ совершенно противоположныхъ мнѣній, чѣмъ его товарищи.

Не нужно было, конечно, быть пророкомъ, чтобы сказать заранѣе, что изъ засѣданія такихъ коммиссій, которое долженствововало изобразить собою нѣчто въ родѣ Крыловскаго квартета, ровно ничего не выйдетъ.

И дѣйствительно, мы видимъ, что изъ многаго, надъ чѣмъ трудились, работали передовые люди того времени, ровно ничего не вышло. Но это, однако же, не умаляетъ ихъ заслугъ. Они много сдѣлали, хотя не то и не такъ, какъ они хотѣли. Но въ этомъ ужъ не ихъ вина: они не жалѣли своихъ силъ и самымъ безкорыстнымъ образомъ работали для общаго блага, служили высшимъ общечеловѣческимъ идеаламъ.

XIV.

Такимъ образомъ Левинзонъ, этотъ замѣчательный человѣкъ, прожилъ всю свою жизнь, прожилъ онъ ее въ

нуждѣ, горѣ и одиночествѣ, и всю свою жизнь работалъ для блага своего народа. Благо своего народа для него всегда стояло на первомъ планѣ. Въ научномъ ли трудѣ, въ докладной ли запискѣ — ходатайствѣ, письмѣ къ высокопоставленному лицу — онъ всегда имѣлъ одну и ту же цѣль — благо своего народа. О себѣ, своихъ личныхъ нуждахъ, удобствахъ, онъ никогда серьезно не думалъ, не хлопоталъ; онъ говоритъ о нихъ въ томъ только случаѣ, если они мѣшаютъ его работѣ, т. е. главной цѣли его многострадальной жизни.

И вотъ проходитъ эта мученическая жизнъ въ нуждѣ, горѣ, въ физическихъ страданіяхъ, нравственныхъ мукахъ; эта жизнь начинаетъ приближаться къ концу, и одинокій хилый, больной старецъ съ ужасомъ замѣчаетъ что то, надъ чѣмъ онъ работалъ всю свою жизнь, то что всегда наполняло его душу, ради чего онъ столько выстрадалъ, что именно это — на краю погибели. Да, на краю погибели! Вотъ она, эта многострадальная жизнь, эти бессонныя ночи, эти муки, страданія, эти пережитыя униженія, оскорбленія — въ этихъ толстыхъ кипахъ бумаги, въ этихъ тетрадяхъ; сюда, на эти пестрѣющія страницы вылились всѣ его чувства, мысли, всѣ упованія, надежды, все это тамъ написано кровью его сердца и все это теперь должно идти прахомъ. Въ одно прекрасное утро сердце перестанетъ биться, уста сакроются, тѣло окоченѣетъ; совершенно чуждые ему люди свезутъ его на кладбище, а это, т. е. его душа которая останется въ этой убогой хижинѣ, попадетъ въ руки невѣжественныхъ, грубыхъ людей, которые несомнѣнно не станутъ съ ней церемониться. Воистину трагическое положеніе, которое можетъ понять только тотъ, который самъ работалъ надъ чѣмъ-нибудь всю свою жизнь! А между тѣмъ, что этотъ несчастный заброшенный, всѣми покинутый, больной старецъ могъ сдѣлать для того, чтобы эти дрогоцѣнныя для

него рукописи не постигла такая горькая участь? Просить, молить помощи друзей, обращаться къ великодушію людей, которыхъ онъ училъ, открылъ имъ глаза? — Но вѣдь онъ всю свою жизнь просилъ, молилъ, онъ всю жизнь надѣялся на великодушіе людей — и вотъ онъ теперь на краю могилы,и ровно ничего отъ этого не вышло. Большинство его рукописей лежитъ неизданнымъ и теперь. Въ продолженіи всей своей жизни ему, посредствомъ униженій, оскорбленій, удалось выпустить въ свѣтъ только четыре капитальныхъ труда, остальное лежитъ.

И вотъ, бѣдный старикъ, какъ утопающій, хватается за соломинку, рѣшается сдѣлать послѣднее усиліе авось! *) Онъ, видѣвшій въ своей жизни столько незаслуженной злобы, ненависти, столько людской неблагодарности, конечно,

*) Вотъ что въ это время онъ писалъ къ одному изъ своихъ друзей: „Чтожъ я могу сдѣлать, когда я не могу издать своихъ сочиненій! Я даже не въ состояніи думать объ этомъ. Всѣ мои силы оставили меня и всякая дума, даже о пустякахъ, вредна для меня. Я просто какъ обогрѣлый. И вотъ въ какомъ я положеніи. Я старъ, дряхлъ и изо дня въ день жду своей смерти. Здѣсь, въ Кременцѣ я все равно, что засохшее дерево въ пустынѣ, потому что всѣ мои родственники въ Одессѣ. Поэтому я писалъ моему племяннику въ Одессу, и послалъ ему завѣщаніе, а теперь собираюсь послать туда ящикъ съ рукописями, авось съ Божіей помощью онъ ихъ издастъ. А здѣсь въ Кременцѣ, послѣ моей смерти они, Боже упаси, могутъ пропасть. А вѣдь надъ ними я работалъ день и ночь, изъ за нихъ я отказывалъ себѣ въ самомъ малѣйшемъ человѣческомъ удовольствіи, вѣчно сидѣлъ въ заперти и всѣ мои помыслы были въ нихъ. А что если послѣ всего этого я, какъ Моисей, послѣ всѣхъ своихъ трудовъ для Израиля, на самой границѣ земли обѣтованной, долженъ услышать голосъ Господа:—„туда ты не пройдешь" а на его просьбу дозволитъ это—отвѣтъ: „достаточно съ тебя и этого и не говори мнѣ объ этомъ больше"! Кто мнѣ поручится, что и для моихъ книгъ послѣ меня, тоже явится избавитель, какъ у евреевъ послѣ Моисея явился Іисусъ Навинъ"?

не особенно вѣритъ, чтобы и это средство помогло, но спрашивается, что остается ему дѣлать? Онъ пишетъ къ своему неблагодарному народу, который никогда не можетъ цѣнить своихъ истинно замѣчательныхъ людей, слѣдующее воззваніе:

Во Имя Бога, міра и правды, моимъ братьямъ и народу моему; Дома Израилева.

Ко всѣмъ дорогимъ друзьямъ, доброжелателямъ, праведнымъ сердцамъ, любящимъ науку и просвѣщеніе, я обращаюсь, да будетъ съ ними Господь!

„Пришла пора напечатать мои новыя рукописныя сочиненія, которыми благословилъ меня Богъ и которыя упомянуты въ предисловіи къ Тегуда-бе-Израель (2 изд). Я просилъ моего наслѣдника, проживающаго въ Одессѣ, чтобы онъ старался собрать средства на это по подпискѣ отъ людей щедрыхъ и благородныхъ, которые благоволятъ ко мнѣ и къ моимъ книгамъ. Надѣюсь, что они охотно помогутъ мнѣ своими щедротами, дабы была возможность издать эти сочиненія. И взялъ на себя мой племянникъ охотно весь этотъ трудъ и постарается напечатать ихъ— ибо я старъ и дряхлъ. Словомъ, на него я возложилъ трудъ этого общеполезнаго предпріятія. Молю Бога Всевышняго, на Котораго съ молодости лѣтъ уповаю, чтобы онъ, съ высоты Своего Престола, ниспослалъ ему помощь въ этомъ дѣлѣ.

Умоляю также своихъ друзей, народъ свой, принимать его (т. е. племянника) вездѣ радушно, съ любовью и почтеніемъ, и только, чтобы угодить мнѣ, онъ оставилъ домъ свой, дѣла, имущество и взялся за это дѣло.

Итакъ, надѣюсь на благородство сердецъ Израилевыхъ—отъ стара до млада — что моя просьба будетъ испол-

нена. Съ тѣмъ распростираюсь и преклоняюсь передъ сіяніемъ чести моихъ братьевъ и моего народа и говорю: да будьте вы благословенны отъ Творца неба и земли. Этого желаетъ вамъ другъ, поборникъ мира и любви. Села!"

Несмотря, однако же, на этотъ предсмертный стонъ умирающаго, безсильнаго старика, „сіяющая честь возлюбленныхъ братьевъ," передъ которой несчастный писатель „преклонялся" и „распростирался", осталась глуха къ его просьбамъ.

Кстати, вот перечень главныхъ его сочиненій: „Теуда бе-Израель", „Эфесъ-Дамимъ", „Бетъ-Іегуда", Шорше Либанонъ—эти сочиненія были изданы при жизни автора. Осталось послѣ его смерти „Зерубавель". Сочиненіе это составляетъ, нѣкоторымъ образомъ, заключеніе „Бетъ-Іегуда", содержитъ въ себѣ отвѣты на разные вопросы еврейской религіи и религіозной литературы.

„Тааръ-Гасоферъ" о караимахъ. Въ введеніи трактуется вкратцѣ о еврейскихъ сектахъ вообще со временъ второго храма.

„Толдотъ-Шемъ" — это 2-я часть сочиненія „Шорше Либанонъ", но гораздо обширнѣе 1-ой. Сочиненіе это богато содержаніемъ.

„Іегошофотъ". Разборъ книги „Тора и философія" знаменитаго С. Реджіо, напечатанной въ Вѣнѣ 1827 г.

„Іеминъ-Цидки"— возраженіе противъ книги, враждебной еврейской религіи и раввиническимъ писаніямъ.

„Беэръ-Іицхокъ"—Литературная корреспонденція.

„Питухе—Хотомъ“ обсужденіе разныхъ каббалестическихъ статей и коментарій на предисловіе одной книги „Саадя Гогона“.

„Израэль“—статьи различнаго содержанія, и мн. др.

XV.

Исаакъ-Беръ Левинзонъ родился 2-го сентября 1788 года въ Кременцѣ Волынской губ., отъ небогатой, но знатной фамиліи Левинъ. Еще въ началѣ прошлаго столѣтія, прадѣдъ его Іекусіилъ-Саломонъ изъ Острога, Волынской губ. переселился въ Кременецъ, гдѣ умеръ, оставивъ послѣ себя многочисленное семейство. Отъ младшаго сына его, Исаака, зятя Саломона Гакогена, извѣстнаго своею ученостью, богатствомъ и обширными торговыми дѣлами, родился Іегуда—отецъ Левинзона. Левинзонъ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, пишетъ о своемъ отцѣ слѣдующее: „На 10-мъ году жизни Іегуды Левина умеръ отецъ его, т. е. дѣдъ мой Исаакъ. Это было въ 1766 г. Замѣтивъ въ отцѣ моемъ необыкновенныя дарованія, мать и братья его дали ему отличное воспитаніе. Но, спустя нѣсколько времени, семейство это сдѣлалось жертвой превратности судьбы. Старшій братъ моего отца, по имени Хаимъ, человѣкъ, уважаемый своимъ народомъ за честныя свои правила, замѣшанъ былъ въ дѣло, вслѣдствіе страшнаго и ложнаго обвиненія въ употребленіи евреями христіанской крови во время праздника св. пасхи. Одинъ польскій вельможа, завидуя богатству Хаима, и долго думавшій о его раззореніи, ложно обвинилъ его въ этомъ страшномъ преступленіи. Несчастнаго дядю моего, его жену и дѣтей и все многочисленное его семейство посадили въ темницу и только тогда воз-

вратили имъ свободу, когда они уже лишились всего своего имущества. Это случилось въ 1774 г. Покойный отецъ мой Левинъ уважаемъ былъ всѣми знакомыми, какъ евреями, такъ и христіанами, за чистоту нравовъ и справедливость во всѣхъ дѣлахъ своихъ. Онъ легко объяснялся на польскомъ языкѣ и, вообще, говорилъ чисто, ясно и выразительно. Хотя всегда былъ занятъ коммерческими дѣлами, но, при всемъ томъ, ежедневно назначалъ себѣ время для ученія. Онъ прекрасно и правильно писалъ на древне еврейскомъ языкѣ, хотя не зналъ его грамматики. Любилъ чистую еврейскую поэзію, притчи и изрѣченія нашихъ мудрецовъ. Всѣмъ комментаріямъ на Св. Писаніе онъ предпочиталъ простое и чистое толкованіе. Онъ глубоко зналъ Талмудъ со всѣми его коментаріями. Однажды онъ ѣхалъ по торговымъ дѣламъ и, къ несчастью его, дорожный возъ попалъ въ колею, въ ту самую минуту, когда на встрѣчу ему подъѣзжала карета какого-то польскаго вельможи. Возница моего отца испугался и бѣжалъ, но самъ онъ, жалѣя свое имущество, остался. Панъ оказался очень, вспыльчивымъ. Въ то время польскіе вельможи считали себя властителями неограниченными, и никто даже не смѣлъ жаловаться на ихъ варварское обращеніе. Убить еврея для нихъ было ни по чемъ. Извергъ этотъ задрожалъ отъ злости, самъ вышелъ изъ кареты и палкой билъ отца моего по головѣ до тѣхъ поръ, пока слуги его не успѣли вытащить карету на свободное мѣсто. Съ тѣхъ поръ отецъ мой страдалъ головной болью и до самой смерти не былъ способенъ ни къ какому занятію..“

Левинзонъ, еще будучи ребенкомъ, обнаруживалъ блестящія способности, и его учитель, славившійся своею ученостью, Кременецкій раввинъ, Давидъ Цеви, считалъ его лучшимъ ученикомъ. Ему еще не было 10 лѣтъ, какъ онъ уже порядочно зналъ Талмудъ и всѣ 24 книги Св.

Писанія. 18-ти лѣтъ онъ уже пользовался славою ученаго. Стремленіе къ просвѣщенію у него, надо полагать, явилось рано, чуть ли не съ самаго дѣтскаго возраста, потому что онъ учился русскому языку, что, по тогдашнимъ временамъ, въ особенности у польскихъ евреевъ, считалось преступленіемъ.

18-ти лѣтъ, онъ, вопреки своей волѣ, по желанію родителей долженъ былъ жениться и черезъ нѣкоторое время онъ переселился въ Радзивиловъ, гдѣ онъ занимался переводами съ еврейскаго языка на русскій. Во время отечественной войны, 12-го года, онъ оказывалъ русскому правительству важныя услуги, состоя переводчикомъ при знаменитомъ Радзивиловскомъ военномъ полицмейстерѣ, генералѣ Гирсѣ, и вполнѣ оправдалъ довѣріе начальства. По окончаніи войны онъ нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Галиціи послѣ чего возвратился въ Кременецъ, гдѣ онъ прожилъ почти всю свою безотрадную жизнь. Нужно однако, сказать правду, что русское правительство гораздо лучше евреевъ съумѣло оцѣнить этого человѣка и на самомъ закатѣ его дней даже пришло ему на помощь. Вотъ заключеніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ, которое онъ въ 1858 г, сдѣлалъ по поводу Левинзона: „По соображеніи всѣхъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ (заслугъ Левинзона) Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ находитъ, 1.) что для достиженія предполагаемаго нравственнаго преобразованія еврейскаго народа, Комитетъ объ устройствѣ евреевъ призналъ полезнымъ приготовить умы своего народа разными, въ духѣ преобразованія, сочиненіями; 2) что распространеніе сочиненія „Бетъ-Іегуда“ содержащаго превосходное опроверженіе заблужденій евреевъ и основательныя побужденія къ осѣдлости, полезному труду, вѣротерпимости и образованію, безъ сомнѣнія могло бы служить правительству важнымъ пособіемъ въ дѣлѣ устройства и просвѣщенія евреевъ,

предразсудки которыхъ, возникая изъ ложныхъ понятій о религіи, могутъ быть смягчены не иначе, какъ при ревностномъ и просвѣщенномъ содѣйствіи благонамѣреннѣйшихъ членовъ самого народа и 3) что въ этомъ отношеніи похвальны неутомымые труды еврейскаго ученаго Левинзона, который, при всей своей бѣдности и постоянно болѣзненномъ положеніи, продолжаетъ свою ревностную дѣятельность на пользу своихъ единовѣрцевъ и правительства, которому онъ оказывалъ услуги еще въ отечественную войну 1812 года, заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что это было бы поощреніемъ и другимъ благомыслящимъ ученнымъ евреямъ—слѣдовать похвальному и едва ли не единственному между русскими евреями примѣру этого писателя.

По всѣмъ симъ соображеніямъ, г. министръ внутреннихъ дѣлъ признаетъ весьма справедливымъ и полезнымъ, согласно съ мнѣніемъ г. предсѣдательствующаго въ Комитетѣ объ устройствѣ евреевъ, исходатайствовать Левинзону единовремеменное вспомоществованіе, пологая оное въ 3000 руб. сер., за которое Левинзонъ могъ бы пожертвовать 2000 экземпляровъ своего сочиненія „Бетъ-Іегуда" въ пользу синагогъ, молитвенныхъ домовъ и еврейскихъ училищъ и имѣть хотя нѣкоторыя средства для продолженія своихъ общеполезныхъ трудовъ".

Насколько въ правительственныхъ сферахъ Левинзона цѣнили, показываетъ то, что графъ Д. А. Толстой счелъ возможнымъ преподнести Великой Княгинѣ Марьѣ Николаевнѣ портретъ Левинзона *).

---

*) Послѣ кончины Великой Княгини, портретъ этотъ взятъ былъ обратно графомъ Т. и потомъ найденъ въ его картинной галлереѣ въ его имѣніи Маковѣ, Рязанской губерніи, а мною, въ 1896 г., изданы фото-литографическая копія съ онаго.

Онъ умеръ 3-го февраля 1860 г. въ своемъ родномъ городѣ Кременцѣ.

Вотъ переводъ эпитафіи, которую онъ самъ для себя написалъ: „Изъ ничего вызвалъ меня къ жизни Господь. Увы, прошла жизнь земная, какъ не бывала. И вновь на лонѣ матери-природы, подъ этимъ бугромъ усну я—свидѣтельствуетъ объ этомъ камень сей.“

„Не острымъ мечемъ сражался я съ врагами Господа, а словомъ. Имъ передъ народами отстаивалъ я правду, справедливость—свидѣтелями „Эфесъ Дамимъ“ и „Зерубавель“;

Кромѣ этой эпитафіи, онъ на день смерти своей оставилъ еще одно стихотвореніе.

„Умру я, и скорбѣть будутъ друзья, радоваться враги. Одни будутъ проливать слезы, а другія чаши свои наполнятъ виномъ.

Но если-бы подумали тѣ и другія, то враги испили бы горькую чашу, а друзья возликовали бы.

Изъ темницы освободилась душа моя, изъ земной юдоли воспаритъ она въ высоты небесъ и возвратится въ шатеръ величія Господа. Села!“

Да, только въ шатрахъ величія Господа этотъ замѣчательный человѣкъ можетъ найти награду за всѣ свои труды, за всѣ тѣ страданія, муки, которыя онъ вытерпѣлъ въ жизни для блага своего народа.

*

* *

Въ заключеніе мы приведемъ выдержки изъ воспоминаній П. Алабина, помѣщенныхъ въ „Русской старинѣ", за 1879 г., въ майской книжкѣ.

„Мы стояли, разсказываетъ г. Алабинъ, въ Кременцѣ на Волыни. Кто-то, зная, какъ я интересуюсь всякаго рода достопримѣчательностями, указалъ мнѣ, какъ на личность, заслуживающую особеннаго вниманія, на проживающаго въ городѣ мѣстнаго уроженца—еврея Левинзона, извѣстнаго ученаго, писателя и поэта. Мои поиски были непродолжительны—Левинзона зналъ каждый еврей. Первый мною спрошенный указалъ мнѣ его квартиру, почти на выѣздѣ изъ города, на трактѣ въ Вишневецъ, въ ветхой лачужкѣ. Въ темныхъ сѣняхъ, почти ощупью, я нашелъ животрепещущую, полуизломанную лѣстницу и поднялся по ней на чердакъ. Маленькою дверью я вступилъ въ крохотную комнату съ двумя полузамерзшими окнами, съ одинокими рамами. Единственный столъ былъ въ комнатѣ, всѣ углы которой и весь полъ были завалены книгами, свитками, халдейскими, арабскими, гебрайскими рукописями, и листами европейскихъ газетъ. Невыбѣленная печь занимала почти четверть всей комнаты, мебель составляли: два стула, помянутый столъ съ сальною на немъ свѣчею, въ позеленѣломъ отъ времени подсвѣчникѣ, и чернильницей; у стѣны какое то подобіе кровати съ постелью въ безпорядкѣ, на окнахъ бутылки съ чернилами и лекарствами; въ глубокомъ креслѣ у стола сидѣлъ самъ хозяинъ. Предо мной былъ старикъ лѣтъ 60 съ длиными сѣдыми волосами, прикрытыми обыкновенной еврейской ермолкой, въ изорванномъ шлафоркѣ, отъ времени утратившимъ свой цвѣтъ. Старикъ, видимо, былъ удрученъ, если не годами, то недугами. Но на щекахъ его, сквозь желтизну, сухой и блестящей, какъ пергаментъ, кожи, пробивался румянецъ;—въ его карыхъ, умныхъ глазахъ свѣтился огонекъ. Вообще, наружный видъ хозяина этой бѣдной квартиры съ ея ори-

гинальной обстановкой произвелъ на меня благопріятное впечатлѣніе. Я отрекомендовался, сказалъ Левинзону, что меня привлекла къ нему его ученая извѣстность, и, былъ имъ встрѣченъ самымъ радушнымъ, привѣтливымъ образомъ. Послѣ этого знакомства, я сталъ бывать у Левинзона, и хотя онъ былъ ровно втрое старше меня, но мы скоро сошлись съ нимъ. Онъ видимо полюбилъ меня, и я проводилъ въ бесѣдѣ съ нимъ цѣлые вечера. Несмотря на старость, на недуги, приковавшіе его къ креслу, и 20 лѣтъ не выпускавшіе его за порогъ его лачуги, Левинзонъ сохранялъ неизмѣнную веселость, свѣжесть мысли, бодрость духа; весь погруженный въ древнія книги и хартіи, онъ однако слѣдилъ за ходомъ современныхъ событій; рѣчь его, пересыпанная анекдотами, остроумными замѣчаніями, восточными сравненіями, поэтическими метафорами, была увлекательна.

Мое знакомство съ Левинзономъ длилось 4 мѣсяца, до самаго выступленія нашего полка въ походъ. Вотъ какія замѣтки сохранились у меня отъ его знакомства.

Левинзонъ родился въ Кременцѣ въ 1788 г. По общему еврейскому обычаю, 3-хъ лѣтъ его стали посылать въ школу, и ученіе до того пошло ему въ прокъ, что 9 лѣтъ отъ роду онъ уже написалъ какое-то сочиненіе каббалистическаго содержанія. Отецъ Левинзона, которому мальчикъ показалъ свое произведеніе, представилъ его раввину, человѣку ученому, но крайне суевѣрному. Тотъ, прочтя это сочиненіе, пришелъ въ священный ужасъ и приказалъ отцу Левинзона держать это сочиненіе въ тайнѣ. никому не сообщая о необыкновенныхъ способностяхъ сына, выразивъ предположеніе, не особеннымъ ли избранникомъ Божіимъ является этотъ ребенокъ? Раввинъ пошелъ далѣе: онъ обязалъ отца Левинзона наблюдать, не прилетаютъ ли къ его сыну по ночамъ ангелы съ небесъ,

его просвѣщающіе. Но эти тайныя наблюденія ни къ чему не привели, по крайней мѣрѣ, самъ Левинзонъ не помнитъ, чтобы онъ раньше 1812 года написалъ что либо заслуживающее вниманія, а въ этомъ году онъ дебютировалъ въ печати гимномъ на изгнаніе французовъ изъ Россіи. Это поэтическое произведеніе на еврейскомъ языкѣ подъ именемъ: „Гласъ побѣды", бывшимъ тогда Радзивилловскимъ комендантомъ, Гирсомъ, представлено, въ 1813 году, министру внутренныхъ дѣлъ. Конечно, такое вниманіе польстило юношѣ и поощрило его къ продолженію литературныхъ занятій".

Дальше Алабинъ продолжаетъ о пребываніи Левинзона за границею.

„Въ 1823 году, продолжаетъ Алабинъ, Левинзонъ возвратился въ Россію, преподавалъ разные предметы Бердичевскимъ юношамъ,*) а въ 1824 году поѣхалъ по дѣламъ въ Тульчинъ, случайно попалъ въ Каменьку къ князю Витгенштейну; фельдмаршалъ, узнавъ о пріѣздѣ Левинзона, потребовалъ его къ себѣ, приказалъ отвести ему помѣщеніе въ своемъ домѣ и продержалъ его у себя цѣлое лѣто. Витгенштейнъ любилъ проводить вечера въ бесѣдѣ съ ученымъ евреемъ, любилъ слушать его оживленные споры со своими приближенными, всегда приглашалъ его съ собою на загородныя прогулки, бралъ его съ собою, когда ходилъ по хозяйству, и нерѣдко пользовался совѣтомъ своего даровитаго спутника".

---

*) Въ томъ числѣ и отцу извѣстнаго композитора Рубинштейна, Григорію Романовичу. (примѣч. авт).

Послѣ этого, Алабинъ разсказываетъ какъ Левинзонъ заболѣлъ, пролежалъ 12 лѣтъ сряду въ постели и какъ, страдая въ это время безсонницею, онъ не терялъ при этомъ даромъ времени, и въ совершенствѣ изучилъ арабскій, сирійскій, халдейскій и латинскій языки и сталъ свободно читать греческихъ писателей. Онъ основательно познакомился съ политическими науками и съ философіей. Перечисливъ главныя сочиненія Левинзона, г. Алабинъ продолжаетъ: „кромѣ исчисленныхъ большихъ сочиненій, Левинзонъ много трудился надъ составленіемъ различныхъ проектовъ, представленныхъ имъ нашему правительству, въ видахъ улучшенія быта еврейскаго народа и расширенія его гражданскихъ правъ.

Изъ этихъ проектовъ особенно замѣчателенъ представленный имъ въ декабрѣ 1831 года министру народнаго просвѣщенія на нѣмецкомъ языкѣ о необходимости религіознаго преобразованія евреевъ и учрежденія такихъ для нихъ училищъ, въ которыхъ они воспытывались бы сообразно требованіямъ времени.

Затѣмъ, въ 1834 году, Левинзонъ проектировалъ надѣленіе евреевъ землей и обращеніе ихъ въ хлѣбопашцевъ. Представленію онъ предпосланъ воззваніе къ своимъ единоплеменникамъ, приглашая ихъ взяться за орало и серпы, переставъ искать средствъ своего существованія въ легковѣріи и слабостяхъ своихъ ближнихъ. Представленіе своего проекта правительству Левинзонъ сопровождалъ множествомъ подписокъ, бывшихъ результатомъ его воззваній къ евреямъ, что обратило на его представленіе вниманіе покойнаго Государя Императора Николая и, надо полагать, было первымъ поводомъ образованія еврейскихъ колоній на югѣ Россіи“.

Въ заключеніе г. Алабинъ говоритъ: жизненная обстановка Левинзона представляла замѣчательное явленіе:

Онъ, повидимому, говоря словами Гоголя, „научился постигать, что изъ нужнаго есть самое нужнѣйшее“, питался какъ самые бѣдные его единовѣрцы, какимъ нибудь клочкомъ рыбы, нѣсколькими головками чесноку или луку да чуть ли не коркой хлѣба, пилъ одну воду, одѣвался въ лохмотья и позволялъ себѣ одну только роскошь – табакъ, съ трубкой онъ почти никогда не разставался“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

